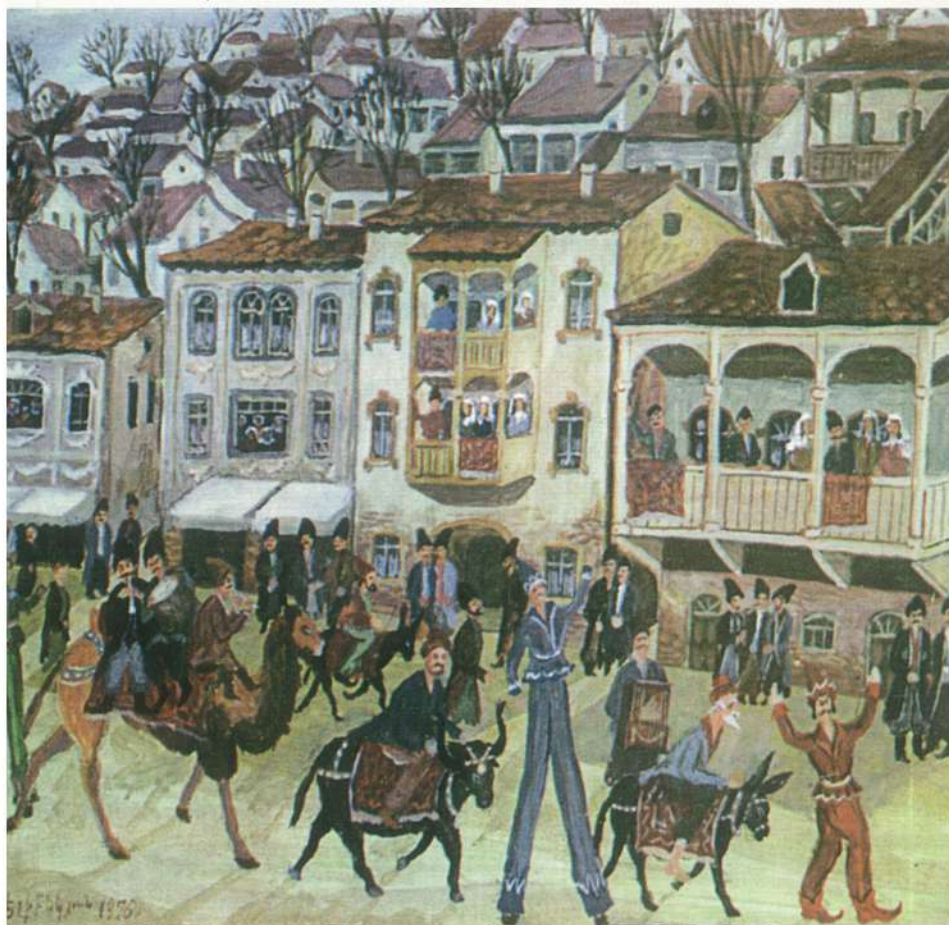

АРСЕН ЕРЕМЯН

ВЫСОТА

Стихи разных лет

Посвящается моим друзьям

**На переправе
коней не меняют,
а друг –
он ближе любого коня.**

Арсен Еремян

АРСЕН ЕРЕМЯН
ВЫСОТА

Стихи разных лет

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ
«РУССКИЙ КЛУБ»

Тбилиси
2011

UDC 821.161.1-3

E-70

ИЗДАТЕЛЬ -

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»**

Издание осуществлено при поддержке
Благотворительного фонда «КАРТУ»

Руководитель проекта

НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

заслуженный деятель искусств РФ

На обложке – «Казноба» В.Элибеяна;
деталь двери книгохранилища Матенадаран.

© Арсен Еремян. 2011

ISBN 978-9941-0-3147-2

ИЗ ПРОЗЫ УШЕЛ В СТИХИ

Безусловно, врожденная, природой дарованная благодать, когда человек с первой встречи запоминается навсегда. Десятилетия прошли, как Арсен Еремян и я окончили филологический факультет (он — русское, я — грузинское отделение) Тбилисского государственного университета, но то первое впечатление живо в памяти.

Нашим общим увлечением и любовью была поэзия. В знаменитых университетских стенгазетах «Пирвели схи-ви» («Первый луч») и «Литературный листок» мы читали написанные нами стихи и уже тогда обнаружили родство наших душ. С ним на курсе были также талантливые ребята, к сожалению, рано ушедшие из жизни, Леван Челидзе и Картлос Хотивари; оба внесли значительный вклад в развитие грузинского кино. Вместе с ними учился и успешный сегодня деятель искусства, замечательный кинодокументалист Гия Чубабрия. Перенесшее невзгоды военных лет детства, наше поколение тогда только расправляло крылья, исполненное юношеских мечтаний, с надеждой смотрело в будущее.

Я прошел довольно долгий и тернистый жизненный путь, и смело могу сказать: мало встречал таких, как Арсен Еремян, добрых, душевных людей. Редкий, отличный от других, блеск слегка прищуренных глаз придавал его улыбающемуся лицу своеобразный свет.

Шло время. Автор прекрасных стихов, он почему-то отошел от поэзии, стал известным журналистом; предметом его второго, не менее сильного увлечения стал спорт — он часто публикует неординарные, неизменно интересные статьи о наших выдающихся спортсменах, и в них остается много-много образованным литератором, поэтом. В этом всех убеждает его новый, блестящий сборник документальных рассказов и очерков «Гром победы», эта сжатая до предела малая летопись грузинского спорта XX века.

Я вовсе не удивился, когда несколько лет назад услышал от Арсена: его вдруг посетило неодолимое желание писать стихи, и за короткий срок он написал целую книгу. Я тогда еще назвал это подвигом.

Я прочитал эту книгу — с удовольствием и радостью.

Радует, что Арсен Еремян полностью сохранил детскую непосредственность и правдивость, что, по мнению многих, верный признак истинного таланта; ни в одной его стихотворной строчке не ощущается фальшь, назойливая патетика; одна печаль по ушедшему в волнах времени, что характерно для каждой эпохи. И это чистое движение души, грустная тональность не миновали лирики моего друга.

Он часто обращается к библейским мотивам и старые образы, архетипы искусно виллетает в ткань своих лирических повествований. Каждый из нас знает: мир изобилует бесчисленными соблазнами, и большинство людей не могут удержаться от искушений, сплось и рядом грешат. Об этом с тревогой сказано в полном сомнений первом стихотворении «Quo vadis»: «Рай потерять – проделки змея, / Брести, не оставляя след, / Своих усилий не жалея, / Не сорок – много больше лет, / Неопалимый куст найти, / Извечные прочесть скрижали, / Но снова мысль тебя ужалит: / Куда идти, куда идти?»

Таким же символичным выглядит одно из ключевых стихотворений сборника «Высота»; тающий след воздушного лайнера наводит поэта на мысль о бренности человеческого существования. Он всегда верен своей врожденной скромности, без малейшего колебания может поставить свою подпись за предельную честность, безграничную преданность высочайшему проявлению духовности человека, поэзии, и поэтому финальные строки звучат так свободно, непринужденно: «И вроде шумным путь мой не был, / Так пусть уделом будет мне / Оставить свой автограф в небе / И раствориться в тишине».

Очень порадовало, что так понравившееся мне стихотворение «Голый король» посвящается большому ученоматематику, человеку исключительного дарования, редкой честности и прямоты Георгию Чогошвили, которого я лично знал (жил по соседству с моей тетушкой, в Театральном тупике, позади оперного театра). Как усматривается из стихотворения, Арсен с ним был в дружеских отношениях, иначе «профессор-пророк» не высказал бы молодому парню, большую часть своего времени, энергии отдававшего журналистике, столь откровенно свое наставление: «Ступайте в литературу!» Верно найдена интонация – душа и главная опора всякого стихотворения; это и некоторая ирония чувствуется с первых же строк: «Дважды не войдешь в одну реку, / В редакцию можно войти / И знают потомки абреков, / Как деньги на спирт найти».

Из-за повседневных забот поэт не смог должным образом следовать мудрому совету старшего друга, хотя осознавал и назубок знал чеканную формулу Пастернака: «Цель творчества – самоотдача, а не шумиха, не успех». Сожаление и

упрек самому себе откровенно высказаны в этих строках:
«Остался слугой двух господ, / Не вникая особо в интриги, /
И соломинка мой плот / В бушующем океане книги».

Тут, естественно, выплывает один из важнейших образов, и поэт с гордостью и даже бунтарством заявляет:
«Поддавшись отраве пагубной, / Идя в свой последний бой, /
Я снова матрос на палубе / Пьяного корабля Рембо». Сказано мужественно, «во весь голос», потому что в настоящем поэте никогда не угасает дух отчаянности, дерзновенных исканий. Подтверждением этого является прекрасное стихотворение «Творчество», в котором на языке метафор выявлены тончайшие нюансы творческого процесса. Мы становимся свидетелями самого сокровенного момента:
«Ловлю я миг удачи / И вдохновенья страсть».

В финальной строфе всеми фибрами души остро чувствуешь тот накал и самопожертвование, без которых немислима высокая поэзия: «И что нам до карьеры, / До жизни лет за сто, / Когда зовет к барьеру / Рабочий стол».

Сходный мотив обыгрывается в «Музе» – своеобразное путешествие в неведомое, но тут же становится ясно, что это самые счастливые минуты созидания: «Засовы, завалы, запруды - / Вокруг очарованный лес. / И помощи ждать ниоткуда, / Все водит кругами нас бес».

Поэт часто и умело использует старые, всем знакомые сентенции и всегда своеобразно окрашивает их, придает новый оттенок так, что малейшего следа не оставляет голой дидактике. Приведу один из многих примеров: «Нет в своем отечестве пророка. / Кто-то вознесен, а кто-то сник. / Но тебе воздастся ровно столько, / Сколько вещие раскроют сны».

Арсен Еремян основательно, в деталях знает творчество грузинских символистов, их тесные, дружеские связи с русскими собратьями по перу. Это чувствуется в целом ряде стихотворений. Лиризм и трагической тональностью выделяется мастерски написанное «В хашной», в котором слышен отголосок знаменитого стихотворения Тициана Табидзе, посвященного гибели Сергея Есенина. Вообще Арсену Еремяню особенно близки мир и судьба Тициана Табидзе (достаточно вспомнить «Альтернативу»).

Поэт вспоминает свои студенческие годы («Мы в хашной пообщаться рады, / Занудство лекций пропустив»), когда однокурсники старались поближе узнать друг друга и жаждали окунуться в овеванную легендами атмосферу, в которой жили наши славные, так много испытывавшие предшественники.

С помощью удачно найденных деталей мгновенно оживает полное тревог и страданий прошлое; мы невольно становимся свидетелями того адского удушья, которое губило старшее поколение творческой интеллигенции,

поэтов: «Стук кружек в сутолоке хашной/ Не утихает столько лет./ Буфетчик выглядит вальяжно,/ Стерев со стойки влажный след». Тут же сказано: «А годы не стирают слово». А кто сотрет кровь абсолютно невиновных людей, которая ручьями лилась в мрачных застенках бесчеловечного режима?

В двух последних строфах отчетливо слышно леденящее сердце дыхание страшного монстра, и одновременно эти строки являются явным предостережением будущих поколений: «Чей судный час настал – не знали./ Спешили к спящим воронки./ Опережая вакханалии,/ Тюрьмою слыли Соловки./ Потомки палачей готовы/ Держать зубами бастион./ В тбилисской хашной, сломлен горем,/ Все ждет жену Галактион».

По этой книге можно убедиться, как Арсен Еремян – коренной тбилисец – безмерно любит перенесшую сотни различных потрясений Грузию и как почитает он такую же многострадальную свою историческую родину, Армению, чье далекое прошлое по прошествии лет оживает в его воображении библейскими мотивами и грандиозными картинами в наилучших стихах.

С огромной теплотой обрисован облик зверски казненного палачами большого поэта Егише Чаренца. Несколько строк этого стихотворения наглядно покажут, как близка поэту эта поистине библейская страна, с которой он связан полными животворным соком корнями: «Страна садов и древних песен,/ Сплошь образованных камней,/ Сквозь вереницу зим и весен/ Ты всех милее будешь мне.../ Не пожелай землю иную,/ А эту поцелуй и тронь,/ Такую жесткую, родную,/ Как старой матери ладонь./ Иду я улицей широкой,/ И где достигнет нас конец?/ Так под ухмылку злого рока/ Шагнул в бессмертие Чаренц». Свои беглые заметки, первые впечатления не могу закончить, не упомянув дорогого каждому грузину имени. Это Ованес Туманян, которого за светлую, пронизанную добротой поэзию, за чуткость и большие человеческие достоинства, глубоко почитали, уважали и особенно любили грузинские поэты-современники, и это со всей отчетливостью, сердечностью выражено в их творчестве. Достаточно вспомнить, с каким благоговением писал о нем, как оплакивал кончину незабвенного старшего собрата глава грузинских символистов Григор Робакидзе, который преданного друга Грузии Ованеса Туманяна назвал Светозарным. Более емкий и подходящий эпитет трудно подобрать для воскрешения образа бессмертного автора поэмы «Ануш».

Со всей прямоотой могу сказать: Арсен Еремян проявил себя как самый яркий и преданный потомок своего великого и славного предшественника, живет и творит по его мудрым заветам. Уверен – на обличье моего давнишнего

друга отражается негасимый отблеск личности Ованеса Светозарного.

Каждый может легко убедиться, что у моего чрезмерно скромного друга обширные познания во многих сферах (литература, искусство, спорт, разные области науки), но никогда не кичится богатством своей эрудиции, и это говорит о его прирожденном аристократизме, настоящей, а не показной интеллигентности.

Арсен Еремян по своему душевному строю романтик, а это редкость в сегодняшнем прагматичном, отмеченном неверием, жестокостью и цинизмом времени, когда непосредственность, добро, искренние человеческие чувства выглядят отсталыми в глазах лжеinovаторов и мнимых авангардистов.

Написавший эту книгу безгранично любит живую природу, людей, все то, что прекрасно и составляет вечную красоту жизни. Невольно вспоминается очень своеобразное творчество тезки моего друга – талантливейшего русского поэта Арсения Тарковского, который на протяжении лет не печатался, и чьи отмеченные высоким мастерством сочинения один критик изящно назвал «поздней зрелостью». Эту характеристику можно смело отнести и к Арсену Еремян, чья поэтическая осень предстала очень щедрой, плодоносной. Нисколько не сомневаюсь: его чистая поэзия сама, без какой-либо рекламы проложит путь к сердцам ее истинных ценителей, как его проза, книги.

Незапятнанная жизнь и творчество Арсена Еремяна имеют своим бессменным проводником проповеди Христа и апостола Павла о божественной любви; и общающиеся с этой благороднейшей личностью, близкие не могут не вспомнить мудрое наставление наших предков: «Не теряй ни старого пути, ни старых друзей».

Никогда не отрекись от такого преданного друга и единомышленника, как Арсен; он давно стал частью моей жизни, и я горжусь тем, что в нашем городе ходит, мечтает и творит человек, который всегда старается чем-то порадовать ближнего, облегчить ему пребывание на этой грешной земле.

Дай Бог нам побольше таких людей!

Эмзар КВИТАИШВИЛИ

стихотворения и поэма

А. С. Пушкин

QUO VADIS

Страннолюбия не забывайте;
ибо чрез него некоторые, не зная,
оказали гостеприимство Ангелам.

*Послание к Евреям
Святого Апостола Павла 13:2*

Задай вопрос себе. как странник,
Куда идти, свой крест нести.
Как под ногой тропа блестит,
Как далеки края пространные

И та земля обетованная,
Где тебя примут, не ропща,
Утрут власами твои раны,
Не осуждая каждый шаг.

Рай потерять – проделки змея,
Брести, не оставляя след,
Своих усилий не жалея,
Не сорок – много больше лет.

Неопалимый куст найти,
Извечные прочесть скрижали,
Но снова мысль тебя ужалит:
Куда идти, куда идти?

НЕСМОЛКАЕМАЯ НЕМОТА

Мы жизнь расщепляем на мелкие цели,
Не слушая, с чем не согласен наш разум,
Как будто ее кто с начала отмерит
По новому разу, счастливому разу.

Зовущего молча никто не услышит.
Замерзнешь – так «Беккер» пойдет на дрова.
Луна-акробат забралась выше крыши
И смотрит с опаской в колодезь двора.

Услышат ли голос – где взять командирский?
Дадут ли подмости – играть свой «Разгром»?
За давностью лет отклонят наши иски
За слезы, дома и вселенский погром.

Играй, коли Бог наградил тебя слухом.
И не было более царской награды.
Разгром обернулся победою духа –
По топям провел ты стихи, как отряды.

АВТОГРАФ

В бездонном небе след оставил
Бесшумный лайнер надо мной
И философствовать заставил,
Что лучше – гром или покой.

Тот след растаял понемногу,
И небеса опять чисты.
Нас происшествие не трогает,
И самолета след простыл.

И вроде шумным путь мой не был,
Так пусть уделом будет мне
Оставить свой автограф в небе
И раствориться в тишине.

ГОЛЫЙ КОРОЛЬ

Г. Чогошвили

Дважды не войдешь в одну реку,
В редакцию можно войти,
И знают потомки абреков,
Как деньги на спирт найти.

Сверяя часы не по Брежневу,
Я снова ни свет ни заря
Спешу к тебе по-прежнему,
Старушка моя «Заря».

Тебя не бросил, как многие.
Не топчу заповедный Арбат.
Все ищу я свою дорогу,
И легка на подъем арба.

Толком не зная натуру,
Главное прочитав между строк,
«Ступайте в литературу!» —
Сказал мне профессор-пророк.

Дескать, глаз его алмаз.
Не рискуя, не пьешь шампанское.
Но я остался в который раз
Дон Кихотом, не зная испанского.

Времена на дворе иные
Подводят к роковой черте.
Надолго меня окрылили
Слова ваши добрые те.

Болевший за меня профессор
Стал потом академиком,
А я не ушел от профессии,
Вселенской ее эпидемии.

Остался слугой двух господ,
Не вникая особо в интриги,
И соломинка мой плот
В бушующем океане книги.

Поддавшись отраве пагубной,
Идя в свой последний бой,
Я снова матрос на палубе
Пьяного корабля Рембо.

Сыплют годы, как зерна граната.
Круг друзей поредел.
Снова взрываюсь гранатой
На тысячу мелких дел.

И вновь оступаясь в лужах,
Временами переходя на кроль,
С ужасом обнаруживаешь,
Что ты не голый король.

ТВОРЧЕСТВО

Бессонница заела,
Все мысли невопад,
И дождь стучит несмело,
Совсем не так, как град.

А за окном потемки
И ни души вокруг.
Я сам такой негромкий,
Допущенный на круг.

Вокруг все незнакомо,
И всем не до тебя.
Ты словно в немой коме,
А мысли теребят.

Как ждут все новых песен
И смотрят дерзко в рот,
Когда тебе невесело
И дел невоворот.

И хочется и колется,
Не можешь — не дыши,
Вернуться б за околицу
Недремлющей души.

Там чудом слов захваченный
И упиваясь властью,
Ловлю я миг удачи
И вдохновенья страсть.

И что нам до карьеры,
До жизни лет за сто,
Когда зовет к барьеру
Рабочий стол.

МУЗА

Как белка, свалилась на голову,
Слезой стекла по сосне,
Сквозь годы духовного голода
Стихами открылась ты мне.

Засовы, завалы, запруды –
Вокруг очарованный лес.
И помощи ждать ниоткуда,
Все водит кругами нас бес.

Мне боязно: вдруг потеряюсь,
А что если дара лишусь?
Останься бессрочной реальней,
Как чуткое эхо в лесу.

СЛОВО

Хорошо придумать слово,
Чтоб к тебе навек пристало.
Так однажды Марко Поло
Строем нолики расставил.

Крестным став миллиона,
Не гася познания пыл,
В Поднебесную за солнцем
И богатством он поплыл.

Где ревущие широты
Обдают миллионном брызг,
Не спасуют мореходы,
И расчет стирает риск.

Горы небо подпирают,
Подменяя миллион рук.
За морями врата рая,
Ласки ветреных подруг.

Закисают в жизни сонной,
Сводит скукой скулы, рты.
А миллионы, а миллионы
Приступом берут форты.

БЫЛОЕ

Уполномоченный газетой,
Фуникулером вздыблен ввысь,
На давнем празднике поэзии
С Москвою я без всяких виз.

Не знаю, я с какого боку
На этом пиршестве стихов,
Но сам и Доризо, и Боков,
И пригубил нектар богов.

Вот позабыв о южной лени,
Сам тамада, чуток хмельной,
Бросает нам стихи Есенина,
Как в кружку талер золотой.

Он снова наш, поэт московский,
И в этом вижу добрый знак,
И тают в дымке Долматовского
Любимый город, Пастернак...

Сидел он за столом напротив,
На расстоянии руки,
А Маргиани мне напомнил:
«Ты ешь – остынут шашлыки».

АЛЬТЕРНАТИВА

Висни в небе, как крепость Короглы.
Стой века и стихов не пиши.
Т. Табидзе

Пусть талант твой прорезался рано,
Ты стихом не стреножь свою речь.
Помни мудрый совет Тициана,
Как соблазнами пренебречь.

Не гони ты стихи вал за валом.
Негасимым Керемом горя,
Хоть один сотвори, чтоб обвалом
Грозовым отозвался в горах.

Видно, прав был поэт, пророча:
Если мужества в книгах нет,
Предпочтет нам потомство маонщиков,
Коль сошелся на них клином свет.

НЕОПАЛИМАЯ КУПИНА

Не изменив своей привычке
Писать неторопливо в стол,
Когда прочувствуешь ты лично,
Что вещь готова на все сто?

Ты ведь не первый, не последний,
Кто нетерпением горя,
Себя корит за промедление
И мысль не шпорит, как коня.

В хозяйстве чинно и картинно
За частоколом тесных слов.
Но книга, книга не картина –
Уходит в стол, как пуля в ствол.

Таится с давних пор заряд,
Ложась на сердце грозной гирькой.
А рукописи не горят,
Сгораешь ты, корпя над книгой.

ИРОНИЧНО

К Земле мы близкими привязаны,
И обязательства немалые.
Не отдыхали мы под вязами,
А вот титанами не стали.

И всюду клин, куда ни кинешь,
Не избалованный победами,
И растеряешься, прикинув,
Когда в последний раз обедал.

Не надо хныкать и загадывать,
Что день тебе готовит завтра,
Ведь можно вырваться в галактику,
Не пребывая в астронавтах.

А небеса все та же книжка,
И книжка те же небеса.
На старте засиделся слишком
Я собственной мечты вассал.

И проиграв, хоть не играл,
С одной-единственной фишкой
Иду, как слон, в игорный зал
И банк держу на эту книжку.

Хоть никого не удивите
В век атома и электричества,
Посторонитесь, отойдите –
Иду на первую космическую.

ДАНТЕ СЛАВИЛ БЕАТРИЧЕ

Яд стихов познав когда-то
И меня имена,
Мы любимым самиздатом
Посвящаем письмамена.

Данте славил Беатриче,
Лауру воспел Петрарка.
В девах не найдешь различий,
Коль целуют они жарко.

С музой флирт ведя бесплодный,
Все пути испробовав,
Покоряем благородством,
Пропадая пропадом.

Слава призрачна, бесплотна,
Есть она иль ее нет.
Гениально творит плотник,
Коль душою он поэт.

* * *

Нет в своем отечестве пророка.
Зная это, зря не суетись.
От труда не жди большого прока,
Не смотри на факты сверху вниз.

Жизнь проходит тихой сапой буден.
Где вы, рая впереди врата?
Судя по всему, наградой будет
Сдержанная похвала врага.

Нет в своем отечестве пророка.
Кто-то вознесен, а кто-то сник.
Но тебе воздастся ровно столько,
Сколько вешие раскроют сны.

ЭВАРИСТ ГАЛУА

Наследия моего
тетрадка одна
наберется.
Может, кто
найдет его
стоящим.
Соберет он
записки
и прочтет
непредвзято
уравнения
алгебраические,
выведенные
когда-то.
А пока
пишу торопливо –
до рассвета
сжато
время жизни.

СВОЙ КРЕСТ НЕСТИ

Уйти, учеников оставив,
Свой крест на Голгофу нести.
Кто утешительной октавой
Им будущее возвестит?

Когда с мечом Твой ученик
Отрекся трижды, руки грея,
Опережая птицы крик
Притворством Дориана Грея,

Одна богиня Панацея
Оберегала каждый шаг –
От колыбели к мизансцене,
В которой устают дышать.

Кто душу за тебя положит?
Рабы, придверницы одни.
Шагреневой растают кожей
Судьбой отмеренные дни.

ЗЕРКАЛО

Уходят годы пароходами,
Теряя контуры за дальностью.
Устав ждать милостей природы,
Смиряемся мы с этой данностью.

Но по весне с победной точкой,
Пройдя и стужу, и туман,
Увидишь в девушках лишь дочку,
Не понимая, чем ты пьян.

И только зеркала укор
За то, что все-таки ты выстоял,
Как жертву выбрав, и в упор
Тебя сразит бесшумным выстрелом.

МЕЧТА

Как хорошо стать равнодушным,
Уйти в заботы с головой,
Знакомых привечать радушно,
Когда с утра ты сам не свой.

Не взяв на душу тяжкий грех –
Назавтра отложить работу,
Ты не открестишься от всех,
Впрягаясь в лямку, нем как робот.

И наступив на те же грабли,
Не видя раз, не видя два,
Ты пригорюнился, как Чаплин,
Кураж транжира на слова.

ЗАВИДУЮ ВЕТРУ

Ветер грубо ласкает деревья,
С плеч сорвав их девичий наряд.
Слышу я, как о чести потерянной,
Словно сплетницы, галки галдят.

Стать бы снова беспечным, как ветер.
Спутать все, что могло быть и было.
Отличиться в глазах всего света,
Чтоб меня никогда не забыли.

Забыли.

ГОНЕЦ

Не пишется проза, не пишется.

К. Симонов

Не надо винить одни нервы,
Валить на них все грехи.
Выходит, что я не первый
Из прозы ушел в стихи.

Стремление сказать покороче.
Как времени краток предел,
Когда вокруг наворочена
Уйма отставленных дел.

Никак не забыть про это:
Нам часто сдается вдруг,
Бежим мы одну эстафету,
Приняв из усталых рук.

И как бы ни было трудно
Достойно пройти до конца,
Пульсирует мысль неотступно:
Надежда не выдаст гонца.

ВЫЗОВ

А. Бомбару

Моряк и врач, по своей воле
Он оказался за бортом.
Так часто мы себя неволим,
Чтоб не раскаяться потом.

Он налегке в вояж пустился,
Не взяв тогда с собой на борт
Еду-питье – решил поститься,
Имея лишь крючков набор.

Вода, вода, куда ни глянешь.
Пей – не хочу, водичка дрянь.
Вокруг ее никчемный глянец
И полный рыбы океан.

«Еретика» приведя в гавань,
Он доказал, от ветров пьян,
Не так уж страшен океан,
Если продержимся мы с вами.

Решают первые минуты,
От страха умирает люд,
Когда вода зальет каюты,
В ад превращая их уют.

И только сильный и упрямый,
Не думая про славы медь,
Бросает вызов океану,
Чтобы на суше не ржаветь.

ЧУЖАЯ БОЛЬ

Как домик карточный, он ломкий,
Рожденный в муках рукотворный замок,
Пока не зная гибеллинов громких,
Готовых анфилады его занять.

Копья ломаются, ржавеют алебарды,
Верой служа хозяевам и страже.
Свои стихи непросто вспомнить бардам
И посторонним ничего не скажут.

Издалека волной прибились строки,
Толкнулись и рассыпались прибоем,
И то, что стгоряча ты судишь строго,
Непреходящей остается болью.

ОГНИ

Бывало, в ночи беспросветной
Помянут, блеснув, огни.
И кажется, ночлег где-то,
Да темные версты одни.

Слабеет вера в удачу,
И меньше о себе мнишь,
Когда ничего не значат
Обманные впереди огни.

И сам ты от цели далекий,
И кануло все в злую мглу,
Бегут обещаний сроки,
И снова приметы лгут.

ИСТИНА

«Не сиди ты один дома, –
бросил мне сын в сердцах, –
и где все твои знакомые,
близкие на словах?»
Конец сумасшедшего века,
друзей и еды дефицит,
но звание человека
никто не сдавал в лимит.
А жизнь идет как положено.
Не любитя – не взыщи.
И камнем добро обернется,
выпущенным из пращи.
Меня, как заглохшее эхо,
все реже зовут на ужин.
Думают, что уехал.
Или еще хуже.
Но далью манит дорога,
свеж ты или устал.
Не будем судить строго,
вспомнив партийный устав.
Истина посередке.
Вера – мой меч и щит.
Стоит ли грызть глотки,
если можно дружить.

НОЧЬ ТЕМНА

Что ни год своя рана.
Вспоминаются горы зла.
Мне сегодня приснилась мама,
Через город с работы шла.

Пряталась в облаках луна.
Не докричаться и не отбиться.
А улица так темна,
Как душа убийцы.

И кому-то правда нужна,
Как повешенному веревка.
Мама шла, а кругом война.
Светомаскировка.

ОБ ОДНОМ ЖАЛЕЮ

Намаялась в очереди,
уронила в щель дощатого пола
два оплаченных чека
липких конфет-подушечек.
Обещала чек мальчишке –
детские пальцы тоньше.
Сколько было потерь,
а вспомнилась эта,
пустячная.
Мама,
с пятнадцати лет сирота я,
не защищенный тобою.
На судьбу не роптал.
Что-то сам упустил,
в чем-то меня обделили.
Об одном жалею:
поцеловать не успел
руки твои,
с обломанными ногтями.
Пол в магазине был в щелях.

ОТЦУ

Прощай, прощай! И помни обо мне.

У. Шекспир. «Гамлет»

Большой мороз, и скоро полночь,
Как пес, приляжет на пороге,
Но пушка сон прогонит прочь
Во славу короля в чертоге.

Дозор. Площадка. Эльсинор.
Принц Гамлет. Друг его Горацио.
Открылась тайна давних пор,
И принц клянется отыгаться.

Завидую ему. Ведь он
Увиделся с отцом, хоть с тенью,
И знанием о предательстве ведом,
Неудержим в сыновнем мщеньи.

Я не застал твой смертный час –
Минуты развели невольно.
Как мы медлительны подчас,
Как много слов не договорено.

Но память сына мне порука.
Ты снова молод, без изъяна.
Сидим в партере рука об руку
На бенефисе Папазяна.

СТАРОЕ РУЖЬЕ

Подводной лодкой всплыло в памяти
Ружье отца, подруга старая.
Картинка кружит снежной заметью,
Не отпуская, как ни стараешься.

С ружьем на вскидку не шел на зверя.
Отец, и мухи ты не обидел,
Не обольщаясь легким трофеем,
Здоров был духом и цели видел.

В час испытанья ружье взял в руки,
С малым отрядом квартал прикрыл ты,
И в правом деле нам честь порука,
На отстающих не грех прикрикнуть.

Ружье так классно было подброшено,
Как в первом акте волей классика.
Стрелой, отравленной индейским касиком,
Стучится в сердце, как гость непрошенный.

Спектакль окончен, дали занавес.
Не грянул выстрел ружья натужный.
Видно, забыли, и порох вышел весь.
Вспоминаньем прощай, оружие!

СЧАСТЬЕ

Года событиями выстроив,
Один я в церкви без икон
На книги помолось неистово,
В их веру снова обращен.

Я ухом к памяти приник
И тщуся отца услышать снова,
Готов уйти из мира книг
Ради единственного слова.

А счастья в этой жизни нет,
Прельщают нас его зарницы.
Толстого помните ответ
На то, что часто счастьем мнится.

Так Бунин эмигрантом в Грассе,
Входя, крестясь, в наемный дом,
Зарницы слышал те безгласные,
Кронштадтских пушек громче гром.

Цените их, живите ими.
Зарницы – дети все грозы,
Лишь на мгновение живые,
Нас озаряют, как призыв.

МАНГЛИСИ

На верхнем шоссе ревут авто –
жизнь поспешает рядом.
Сюда к тебе не придет никто,
тебе ничего не надо.

Простая плита на пыльном холме
выжмет слезу на глаза.
Двоюродный брат, ты ближе мне,
когда я родного не знал.

Горы Непала свернуть готов,
на гранит надгробий – Тибет.
Я слышу звон полевых цветов,
принесенных ветром тебе.

Пришел я снова в эти места.
Твой последний приют.
Нет рядом отца. Отец был стар,
и меня не узнают.

* * *

Быстротечны годов ливни,
И как медлительны мы
В поступках судьбоносных.

А ТЫ МОЛЧИШЬ

Вчера одарила днем, жемчугом полным,
Радости перебрала на год вперед,
В мир вошла, как солнце огромное,
Забыть заставила времени отсчет.

Ищу тебя, что была рядом,
Не ту другую, что сейчас далеко.
А ты молчишь, будто так и надо.
Будто вынести это легко.

Вчера был царь. Сегодня гол, как нищий.
Собрав возможностей последние крохи,
Отдам все тем, кто тебя отыщет
В этом безумном переполохе.

ГЛЯЖУ НА ТЕБЯ ИЗУМЛЕННЫЙ

Бывало, выйдет на улицу –
Взрывается улица вслед,
И ты поневоле жмуришься,
Даже во сне.

Я сам от нее страдаю,
От этой взрывной волны.
И погибаю, и радуюсь,
И быть не желаю иным.

Гляжу на тебя изумленный
И распахнув глаза.
Откуда такая влюбленность
И чем я тебя привязал?

Не станет с годами богаче
Наш быт, но горим и творим.
Я снова теряюсь, как мальчик,
Тебе объясняясь в любви.

На жизнь никогда не жалуюсь,
Не замечая годов,
Я с прежним мальчишеским жаром
Ее повторить готов.

Не в силах ветрам незнакомым
Блеск твоих глаз притушить.
Радует в моем доме
Калибр огромной души.

Живу арсеналом прикрытый,
И сказкой становится явь.
Не зря моя жизнь прожита,
Если встретил тебя.

ТАЛИСМАН

Как будто снова в детство брошен,
Мираж в пустыне громоздя,
Мне лезут в голову непрошены
Твоя улыбка и твой взгляд.

И заблудившись в своих чувствах,
В трех соснах, как в глухом бору,
Ищу у равнодушных чуткость
И на душу грех не беру.

Освободиться тщетно силюсь –
Найти в тебе одну черту,
Отталкивающе-некрасивую,
И вижу, что напрасный труд.

Свои ошибки лучше видишь сам,
Переноса на чистый лист.
Изящной яхтой ты мне видишься,
Безмолвной на краю земли.

Идешь далекая, красивая
На Адлер или на Батум.
Я угадать тебя не в силах,
Не жалуясь на слепоту.

И самому не больно нужный,
Сам продираясь сквозь туман,
Шепчу губами непослушными:
«Храни меня, мой талисман».

ПЯТЬ ЧАСОВ УТРА

Как мало пройдено дорог
И сколько сделано ошибок,
И не пускают на порог
Тех, кто остался на отшибе.

А есть ли в том моя вина?
Я за собой ее не чувствуя,
Пьянею, не хлебнув вина,
От навалившегося чувства.

И для меня ты вновь одна.
Хоть и без маршальского жезла,
Стою у твоего окна,
Да только вот свеча исчезла.

СОЛЬВЕЙГ

Ты вся, как увлекательная книга,
И я спешу страницы просмотреть.
Непредсказуема и глубока интрига,
Хоть книга не прочитана на треть.

Мир так устал от сверхопасных игр,
И правит зло, куда ни бросишь взгляд.
Любимая, ты вечная как книга,
И этих слов я не возьму назад.

Во сне такая разве что приснится,
Но и во сне поспорить я готов:
От стаи ты отбившаяся птица
С далеких и неведомых миров.

Останься увлекательною книгой,
Ее мне хватит на безумный век.
Звучит в душе бессмертной драмой Грига,
Песней любви красавицы Сольвейг.

ТАК И НАДО

С глаз долой – из сердца вон,
Говорят, а я не верю.
И в окно любовь войдет,
Коль ее прогнали в двери.

Сядет молча у окна,
Поглядит насмешливо.
Стала для тебя одна
В целом мире женщина.

Та, которую не знал
Тыщу лет и боле.
Купидона немой залп,
Провозвестник боли.

Окажись ты под огнем
Жалящих орудий,
Не услышат этот гром
Все чужие люди.

Левый бок зажав рукой,
Уж не жди пощады.
Если ты сражен стрелой,
Значит, так и надо.

МГНОВЕНИЕ

«Мгновение, повремени!»

И.В. Гёте

Орфея откровение в Веймаре
Иль кем-то сказанное ранее,
Ты суть восторг и озарение
И как бальзам сердечной ране.

Я не завидовал другим,
Не наблюдал успех их с грустью,
Но белым ангелом храним,
Желал постичь фотоискусство.

В охотку перебрать архив,
Пшеницу отделив от плевел,
Подметить сходство древних Фив
С Тифлиса безысходным пленом.

И до конца пройдя свой путь,
Где мед в отместку сложен ядом,
Хотел бы я наш май вернуть,
Увиденный влюбленным взглядом.

РАЗЛУКА

Жду тебя из северной столицы.
Видишь, календарь протер до дыр.
Разве что кошмаром может сниться –
Звать во сне, оповестив весь мир.

Боль чужая мало кого трогает.
Как свою в тираду воплотить?
Верю я, ты послана мне Богом
Ангелом небесным во плоти.

ОДИНОЧЕСТВО

Я умираю без тебя,
и ты не знаешь,
что наша жизнь не театр,
а шутка злая.

Как пусто стало на земле –
Шекспир не нужен.
Смерть реплику бросает мне:
«Прерви свой ужин».

Ты не услышишь мой ответ,
угасший в шуме.
И не спеши, меня уж нет.
Я, знаешь, умер.

СКАЗКА

Я стреляю по целям.
Недолет, перелет...
И царевна-лягушка
Мне стрелу не несет.

Искушая судьбу,
Про себя замечаю:
Завалил я стрельбу,
Стрел уж мало в колчане.

А по сказки раскладу
Ждет героя награда,
Но ее мне не надо,
Ведь царевна-то рядом.

* * *

Не ревнуй меня без нужды
За прорвавшиеся строки,
Ведь другим мой стих не нужен,
Говоря предельно строго.

Отметая все упреки,
Прохожу слепым Гомером
Меж красавиц волооких –
Независим в высшей мере.

К ВНУКУ

Звезды с неба не хватая,
Мэтра из себя не корча,
Все ж тебя бы воспитал я
По Янушу Корчаку.

Пулей мечен был в войну,
В лихолетье годов горьких.
Помнил взрослых он вину,
Цену слез и хлебной корки.

И печальней скрипочки
Правда слов негромких:
Только встав на цыпочки,
Вровень мы с ребенком.

Дальше Альп, снегов Савойи
Раскидала нас судьба.
Все премудрости освоив,
Как раскрутишь ты себя?

КАПИТАНЫ

Над площадкой близ Метехи
Облака армадой шли.
Капитаны в час утехи
Проводили корабли.

На тропинках, уже турьих,
Оставляли мы следы.
Угощались хачапури,
Лучше не было еды.

Становились за штурвал,
Обходя ловушки-рифы.
И не так уж страшен вал,
Что шумит у Тенерифа.

Как же наши корабли
Оказались на мели?
Видишь, даже гора плачет,
А могло быть все иначе.

Через годы мы вдвоем
К той горе еще придем,
Где грунтовая водичка
Проливается дождем.

Не ища в стремнине брода,
Ты в порыве вдохновенья
Этот феномен природы
Называл горой теченья.

Подставляли под капель
Кто черпак, а кто и кружку.
Ты глаза смочи, не пей,
Говорила мне старушка.

Знаю твердо, что нельзя.
В чудеса давно не верю.
Радость вылечит глаза,
Только ты откроешь двери.

ДОРОГА К ХРАМУ

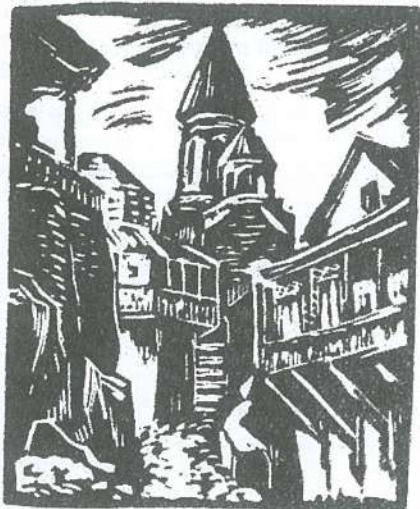
Строкою занесен в реестры
Домов, историей отмеченных,
Наш – дирижером средь оркестра,
Приметный и в морщинах трещин.

Приводят улицы раструбы
К церквам нагорного квартала.
Непроизвольно шепчут губы
Слова молитвы и хорала.

Дал имя улице костел,
И думалось тогда – навечно.
Его на карте я нашел
И открываю каждый вечер,

Свой путь держа к родному дому.
Ориентиром льва в пустыне.
А ты доверилась иному –
Гирляндам озорной глицинии.

Она поспорит с цветом глаз,
Хоть не уверена в победе.
О, как же долго ты не шла
По этой голубой планете.

ТОЧКА

На древней улочке Кашена
Косит ореха ствол увечный,
И слева – в церкви Норашена
Не возжигают Богу свечи.

Художников прельщает точка –
Гору венчает Нарикала,
И кем-то прерванные строчки
Зовут начать отсчет сначала.

Забуть в беспамятстве года,
Где к вековым своим истокам
Мы припадаем иногда
Средь сутолоки дней жестоких.

Как жаль, что с точки заповедной
Родительский не виден дом.
В нем хлебосольные обеды
Любил нахваливать бомонд.

Чужой беды так тянет ноша,
Забуты вкус и запах блюд.
И провожал уход непрошенный
Басовой грустью Меренблум.

И как с овального табахи,
С горячих крыши сама собой,
Кончая жизнь на пыльной плахе,
Тута планирует слезой.

ЛЕТО В ГОРОДЕ

В июле солнце жгло и жарило,
Стекало лавою на крыши,
И очевидцами пожара
Остались в городе мальчишки.

И от жары сбежав в Коджори,
Жирела спесь в ограде дач,
Не торопя арест нескорый
И возжеление передач.

А много ли мальчишкам надо.
На полки книг разинув рты,
Искали в островной Гренаде
Клады пиратской широты.

Жара алела и крепчала,
Ходить на солнце было адом,
Но библиотека нас встречала
Неординарную наградой.

Экскурсия в сад Ботанический.
Уйти в прохладу хоть на миг.
Я выдержал соблазн стоически
И обменял лишь стопку книг.

Достаток, что журавль в небе,
И не всегда найдет кто ищет.
Как часто черствый ломоть хлеба
Я размягчал духовной пищей.

Небесной манны ждут от шефов,
Но если кто меня и спросит,
Я вспомню хороводы эльфов,
Тех книг нетающую россыпь.

ПИРОСМАНИ

Два духана бок о бок,
Словно зверь о двух спин.
Смысл остроты ребенок
Только взрослым постиг.

Мир обжорства и спеси
На шекспиров сюжет.
Власть нельзя куролесить,
Не замаслив манжет.

Так надменно высок,
Угодил кур во ши,
А копытом в висок
Бить жираф норовит.

И сошедши с клеенки,
Пиросмани в углу
Притаился ребенком,
Сам с похмелья утрюм.

ИСТОКИ

Р. Кондахсазову

Забыв неправедные годы,
Оставив дома сплин и грусть,
Готов в любую я погоду
Подъем твой взять, как Пти Эльбрус.

Мост миновал неспраздным шагом,
Иду в район Сирачханы,
Где антикварен каждый камень
И раритетам нет цены.

Вхожу в красильные растворы,
И на пороге письма
Так выдают тбилисца говор,
Глядишь, Европа не нужна.

Сирачхана, твою ауру
Я в сердце унести готов,
Увидев профиль Азнавура
В кругу знакомых стариков.

Ничто не изменилось вроде.
Легенды собраны, как дань.
И в ремеслах как встарь угоден,
Без Никала шумит Майдан.

И гостем каменным в столице,
Не променяв духан на бар,
Царь Горгасал вознес десницу:
«Стой! Дальше – Авлабар».

ВЕРТИКАЛЬ

Рвались в небо крутые тропы,
С высотой лес не радовал глаз,
Но казалась гора высшей пробы
И Казбека и Гран Жерас.

На вершине руины церковные
И огарки забытых свечей
Вызывали обиду невольно
За приют этот вроде ничей.

В летнем лагере госторговли
На Удзо флаг несли без подстав.
Алый цвет его комом в горле –
Отрекается млад и стар.

Как тяжел флаг и груб на ошупь,
Как поднять его в гору сложно.
Родину не унести на подошвах.
В карманах, выходит, можно?

САЯТ-НОВА

Ты всех в Меджнунов обратишь.

Саят-Нова

Тебе от церкви видно многое –
Майдан, Кура и Авлабар.
До глубины души растроганный,
Спешит на праздник сазандар.

Интрига встречи так ясна,
Сдаст свои права весна,
По туманяновским заветам
Идем к тебе в преддверии лета.

Склоняем голову там низко,
Где у священных древних стен
Башинджагановским эскизом
Прочертана могилы сень.

Тебе был свет дан в теплом городе
И в нем нашел свою судьбу.
Ширазом виделся он – родиной
Хафиза, Саади – сквозь бунт.

Песни твои гремят громами,
Ночь темную сменит заря,
И я в толпе, огромной раме,
Ее увидел – дочь царя.

Пусть злое слово не поранит,
А Бог отпустит всем грехи.
Поэты остаются с нами
И их бессмертные стихи.

В ХАШНОЙ

Не в электрических разрядах
И спевках ресторанных див –
Мы в хашной пообщаться рады,
Занудство лекций пропустив.

Стук кружек в суетоке хашной
Не утихает столько лет.
Буфетчик выглядит вальяжно,
Стерев со стойки влажный след.

А годы не стирают слово.
Братья Табидзе оба живы,
Пробился свет стихов Паоло
Сквозь темень оговоров лживых.

В затылок выстрелили двери,
Как кулаком бьет в бок косяк.
Венчается в Кашвети Мери,
Мир обесценен, как пятак.

Чей судный час настал – не знали.
Спешили к спящим воронки.
Опережая вакханалии,
Тюрьмою слыли Соловки.

Потомки палачей готовы
Держать зубами бастион.
В тбилисской хашной, сломлен горем,
Все ждет жену Галактион.

МАРТ

«Московской саги» крик пронзительный
Сменили па детей Арбата.
Как оказалось заразительным
Ославить то, что было свято.

Идти велела всем декан
На митинг смерти годовщины
Вождя – он в парке истуканом
Вознесся символом отчизны.

И мы пошли, как встарь шли викинги
На поиски тэрра инкогнита,
И драли глотки на том митинге
За то, что до конца не понято.

Мы останавливали в горе
Автомашины непорожные,
Как на пожар спешили в Гори
И к дому бедного сапожника.

Безлюден Коммунаров сад.
Фасад шербатый Дома связи –
Весной стучал свинцовый град,
Потом следы от пуль замазали.

Наперекор ветрам, дождю
Сухой Мост служит как когда-то.
Не стерлась здравица вождю
На камне, выстуженном мартом.

Стоят толпою одураченные.
Отвоевав газона кромку,
Торгуют бойко всякой всячиной
Да орденами славы громкой.

Менять на хлеб их негрешно.
На постаменте слишком пусто.
Жизнь повернуть вспять не дано,
Как в хрониках Марселя Пруста.

Но с высоты фуникулера,
На пьедестал вновь водружен,
Грозится им расправой скорой
Тот, кто пигмеями сражен.

ПЛАЧ ПО ДЕРЕВУ

Упало дерево на улице,
На той, что Лермонтова,
А для меня оно все кружится
Воспоминанием об этом.

Как от инфаркта наземь рухнуло,
Хватаясь ветками-руками
За стену дома. Вскрикнув глухо,
Как птица, сшибленная камнем.

Под дерево давно подкапывались,
Подвала роя зал бездонный.
На иномарках вы подкатывали,
Драпировали тайной окна.

Построить дом вам не по силам
И сына сильного зачать.
И гибель дерева скрепила
Злодея Каина печать.

О том, что дерево стояло,
Напоминает мне воронка.
Как красотой оно сияло,
Загубленной рукой подонка.

Никто их ража не остудит,
Не выведет порочный круг.
Деревья бедствуют, как люди.
Как люди умирают вдруг.

РОЖДЕНИЕ ВЕНЕРЫ

О фильме не зная заранее,
Хромая в проулках эстетики,
В тумане тону женской бани
И в омуте сексотехники.

Балдеют в участке от Стоун –
Жив основной инстинкт.
Сходит лавиной стонов
На чем киномир стоит.

Но откровением дерзким
Наплыв из далеких весей.
Не миллионным ознобом секса,
Тайной откинутой занавески.

Стоя на лавке банной,
Без ложного стыда и смело
Смотрит в глаза мне Венера,
Рожденная из мыльной пены.

СТАКАН ВОДЫ

С лицом не по работе ангельским,
Не ощутив наживы зуд,
Стоял в саду он Александровском,
Что Коммунаров назовут.

Легка, как девушка, тележка,
На ней сифонами сироп.
И ни минуты не помешкав,
Он сочиняет нам ситро.

С его племянником мы дружим,
А три стакана не разор.
Мы газировку дружно глушим,
И каждый повторить готов.

Благословенна длань дающего –
Взамен не ждет он ничего.
И, знаешь, мы не стали пьющими
От угощения того.

Жизнь коротка. Желанья стерты,
Как наша школьная труба.
Мы сорок третьей все когорты:
Тот вышел в дамки, тем труба.

Потом нас часто звали в гости,
На хлебосольные пиры,
И не утнаться было просто
За газировкой той поры.

МКИНВАРИ

Вы вдвоем пуда соли не съели,
Не гуляли впотьмах до зари.
Помнишь, облако вроде присело
Отдыхаться на склоне горы.

Увлекла вас лавина близости.
Воды тише и ниже травы,
Не спеша из нимфетки вырасти,
Ты к нему обращалась на «вы».

Но сегодня смотав из памяти
Экстремальное это кино,
Через годы провалов беспамятства
Распахнул он в былое окно.

Снова спальный мешок им союзник.
Опьяняет простор высоты.
Словно спало с души бремя груза,
Палимпсеста ожили черты.

ОЧАРОВАННАЯ ДУША

Большевиков ужасный грех –
Для смеха и потехи
Открыть доступные для всех
В церквях библиотеки.

Не избежали доли злой
И фрески Норашена.
Проводки рваной бороздой
Изранен весь простенок.

Из посетителей тогда
Я был всех самый рьяный.
Столкнула летом нас судьба
Романами Роллана.

Обмен решили мы простой,
И было нам неплохо:
Мне с Очарованной душой,
Вам с бунтарем Кристофом.

Я очарован вами был
И сам вам интересен,
Но, дернул черт, судить решил
О брате неизвестном.

В науку рвались все тогда,
И брат вам очень дорог.
А жизнь обман и суета –
Я вспыльчив был, как порох.

Обидеть вовсе не хотел,
Но вышло очень плохо.
Ушли вы молча между тем
С моим же Жан-Кристофом.

Потерянное лицо,
Забытое вновь резко.
И ваше юное лицо
Овнатаняна фреской.

«САМАЙЯ»

Самайя – танец для троих,
В то лето было нас не больше.
Столоверчение заброшено,
Забот хватает нам своих.

Столы убрали – не сезон,
Но чем не стол обычный ящик.
Полуночным костром газон
Стихом исходит настоящим.

Из самых летних ресторан.
Боль утоли, аптека Земмеля.
Нас позвала в такую рань
Тарелка хаши, словно зелье.

Стекляшка Ванды и Сеид,
На Руставели вас не видно,
Но бронзовый Шота стоит
Несокрушимо, как Мтацминда.

Не разводи водою стих,
Не разбавляй ты ею хаши –
Нам хватит всем, так мало наших.
По дну котла проходит Стикс.

В ГОРАХ

Все было внове, и приличный
Шашлык из горного козла,
И друг расстреливал привычно
Бутылки, как источник зла.

Вас было, помню, три сестры.
Когда же третья отстала
От белокаменной Москвы,
Куда по Чехову вы рвались?

Конец смешали вы с началом.
Влюбленность в летчика-певца,
И провожали и встречали
Посеребренного песка.

Я был хозяином и гостем,
Как будто Пшавия мой дом.
И ладил по-житейски просто
Ручей с разросшимся кустом.

И мне нет дела до Гекубы,
Что там в плену она нашла.
Но сжатые полоской губы
Скрывали важные слова.

Не все сходилось в день рождения.
Мы, претендуя на размах,
Как ускользавшее видение,
Искали долго храм в горах.

На свист пастушеской свирели
Сбегали склоном, мятой высланным,
И падали, как на дуэли,
Сраженные злым выстрелом.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Вот я вернулся на крути своя,
Отчий мой дом, крепость моя.

Есть переулок, а где же стена?
За акробаткой лозой не видна.

Спелою гроздью соседка в окне
Чью-то сестренку напомнила мне.

Старый художник там бедовал,
Стены «Симпатии» разрисовал.

Церкви Мугну заколочена дверь,
Дремлют шедевры в сонме потерь.

Вижу разор, не спешу удивляться.
Город растет и разрушается.

Годы умчались, истаяв как дым.
Мальчик вернулся на круги седым.

ПРЕДЧУВСТВИЕ ДОРОГИ

Уже слетелось воронье
На облюбованные вещи.
Копытом стукнул вороной,
Почуяв знак какой-то вещей.

И растащить они спешат
То, что тебе с годами дорого,
И не плеснут воды ушат,
Как путнику перед дорогой.

А сам пока ты у себя,
В твоём до слез знакомом доме,
И фамиллярно теребят
Тебя соседи незнакомые.

* * *

Долой лечаки, чихтикопи.
Девчонки в джинсовом плену,
Не повторяясь в тыще копий,
Ведут с одеждами войну.

Какая призрачная мена –
За сорок сороков Москвы
Отведать горький вкус подмены
За все, с чем ты не будешь квит.

ЗИМА

Как холодно в доме.
Я к печке присел,
Как в крошечной домне,
В ней плавится ель.

Все были при деле.
Вмиг дело труба.
За гранью предела
Не стоит труда.

Ну кто же меняет
На север свой юг,
Где солнце сияет,
На тысячу вьюг.

Бросать так, как Разин.
Кругов не найти.
Мосты сжечь все разом
И в зиму уйти.

ИСХОД

Строю книгу прилежно.
До чего нележки,
Из-под сора подснежником
Прорастают стихи.

Парохода и книги
Есть размеры, предел.
Кто-то ситной ковригой
Запастись не успел.

Что коврига – корзины
Вы роняли за борт.
Пароход не резиновый,
Весь исход не вберет.

Вы в двадцатом по морю
Уходили в Крыму.
Как спасались в Приморье,
Чужаки не поймут.

Сотни тысяч уехали,
Оставаясь в плену,
Как проклятое эхо,
Поминали войну.

Не суди слишком ханжески,
Сквозь расстрельный обрыв.
Это очень по-нашенски:
За обрывом – отрыв.

Жить по правде положено,
Отвечать за грехи.
Как в прокрустово ложе,
Загоняешь стихи.

НЕ ОГЛЯНИСЬ

Вспоминайте жену Лотову.

Евангелие от Луки 17:32

Ты дал зарок. Не оглянись
На то, что оставляешь дома,
И бедный скarb свой не кляни,
Уложенный на дно котомок.

Не оглянись, как жена Лота,
Переступив зарок свой личный.
Вам соляным грозят столпом,
Как наказаньем необычным.

Содом сметают ливни серы,
Огня и сонма прочих бед,
Но в череде деяний серых
Ты помни ангелов завет.

* * *

Как давно в Армении я не был.
Позови меня, как сына позови.
Протяни мне теплый ломоть хлеба,
Выпеченный с проблеском зари.

Горы втиснуты в масштабы фотографий.
Резиденция твоих царей Гарни.
Чем-то мы кому-то не потрафили,
И душа по-прежнему саднит.

А потери, что в Арпе песчинки.
Все закрыт для явки Арарат,
И ковчег на склоне его льдинкой,
Не сойдет со стапеля назад.

Как давно в Армении я не был.
Сердце вроде потерял в горах.
С гор легко дотронешься до неба,
По атлантам меря свой размах.

УЛИЦА ЧАРЕНЦА

*Первым репатриантам
Армении*

Иду я улицей Чаренца,
Что к Айгестану нас вела,
И память выкинет коленце –
Поднимет прошлого дела.

Заложник атомного века.
Но, право, что ни говори,
Во всей вселенской картотеке
Нет слаще слова Наири.

Страна садов и древних песен,
Сплошь образованных камней,
Сквозь вереницу зим и весен
Ты всех милее будешь мне.

Стучат по камню молоточки,
Как дятлы в каменном лесу.
Найдя с семьей опоры точку,
Вы повернули жизнь свою.

Как легок и отменно теплый
Твой туф, библейская страна.
Прокладывает сердце тропы,
А нам другая не нужна.

Не пожелай иную землю.
А эту поцелуй и тронь,
Такую жесткую, родную,
Как старой матери ладонь.

Иду я улицей широкой,
И где настигнет нас конец?
Так под ухмылку злого рока
Шагнул в бессмертие Чаренц.

7 ДЕКАБРЯ 1988

Весь город на земле. Стихия злобной силы.
Ни отвести ее, ни вообразить нельзя.
Пилотам видно все, пилоты сообщили
В приемную партийного князя.

В Армении разор... Прошли квадриги Красса?
И вновь в долинах слышен смерти зов,
Холстов не тронув огненных Минаса,
Не пощадила его земляков.

Кровавые следы убийцы-века.
День угасал, закатом багровел.
И не было на свете человека,
Кто не скорбел и вас не пожалел.

Храм Мармашен стоит среди развалин.
Как выстоял, моля небесный гром.
И символом и аттестатом стал он
Бессмертия народа моего.

В АРМЕНИИ

Стадом мамонтов облака
Вытопчут охру гор.
Баранку взяв за крутые бока,
С дорогой ведем разговор.

Машину, шофер, как коня, удержи,
Не отвлекай меня.
В прохладной долине лежит
Библейская страна.

Дорога раскрыта, как свежий лаваш.
А вот и гора Медведь.
Излишними будут все слова
И впору зареветь.

Севана закланного узкий плес
Отражает небес бирюза.
Не вижу за сотню шагов из-за слез –
Соринки попали в глаза.

ГЕГАРД

В скале увидев храма стены,
Творя без права на ошибку,
Твой мастер преклонил колени
Пред красотой, из камня вышедшей.

Сам заключил ее в неволю,
Спасая от нескромных глаз.
Знал: красота немного стоит,
Нагой распятой напоказ.

Свет лился от вершины купола,
И свечи жгли в подземной церкви,
Но кто-то невидимкой кутал
В сумрак ночи отличья гербов.

Придя к тебе, как бедный странник,
Не веря в образа уже,
Я красотой снова ранен,
Храм унося в своей душе.

СТАНЦИЯ «СПИТАК»

Из далекого детства,
Где все было не так,
Выплывает, как действо,
Слово боли «Спитак».

В безмятежное утро
Разгонялся состав,
Всем нутром своим углым
От движенья устав.

Побежала вдоль окон
Бедных домиков цепь,
Будто нужно им очень
За составом поспеть.

Был ли знак подан вещей
Провозвестником ран.
Собирали мы вещи –
Выходить в эту рань.

Из далекого детства
Под колес мерный такт
Только пишутся действия
Драмы века «Спитак».

* * *

М. Шагинян

Гидроцентрали славя вахты
И письма Ре и ту сирень,
Вы вспоминали всеохватно
Про свет и тень, про свет и тень.

Нужду деля с сестрою вместе,
Что с детства так привычно нам,
Дружили с Гиппиус без лести
И Гете был вам по зубам.

Вас магистраль звала в дорогу,
И главный ее вариант
Так мало нас сегодня трогает,
Как снег, что выпал год назад.

В столицах прожили горянкой.
Стелился молоком туман...
С утра с молоденькой армянкой
Верхом спешили в Сисиан.

Зов родины услышишь властный,
Хоть с нею ты и не знаком,
И лауреатским знаком власти
Не каждый будет оценен.

Забыв про возраст ваш неюный
И гнев не пряча на потом,
Вам реформатор на трибуне
Грозил начальственным перстом.

Неумолима жизни квота,
Но надо, право же, уметь
Войти ли в память анекдотом
Иль звонкой песней отшуметь.

СТАРАЯ КНИГА

Семье Мовсесян-Ширванзаде

Милой жемчужине Армении —
Вы книгу написали той,
Кто Маргаритой от рождения
Была не книжной, а живой.

Росла сама в семье писателя,
Отца вознес роман «Хаос».
Война ослушалась Писания —
Несла убийства и хаос.

Песню в полях сменили стоны.
О, Маргарита, где твой Фауст?
Вместо лютни фаустпатроны
Играют смерть, не зная пауз.

Нас память детства не подводит,
Воспоминаниям не рады:
Под бомбами горят подводы,
И танки лезут к Сталинграду.

АССИРИЙСКАЯ КЛИНОПИСЬ

Как часто, обращаясь к книге,
Перевернешь страницу детства,
И вновь дворцовые интриги
Напомнят о негодных средствах.

Нисходят с гор отвесных сели,
Предчувствием нас насторожат.
В «Минутке» на часок присели,
В Гегарде хлеб ломаем с сторожем.

И профиль Ашшурбанипала
Напомнил важного мужчину,
Распятого в конце тридцатых
Без уважительной причины.

Сместились времена и векторы.
Словно от боли зубной морщусь –
Не вычитал стиха корректор,
Не восхищенный его мощью.

Поднаторев в природных сшибках,
Ты от Куры до Арпачая
Чужие видишь лишь ошибки,
Свои, увы, не замечая.

ПУШКИНСКИЙ ПЕРЕВАЛ

У своей памяти в заложниках,
Я возвращаюсь мыслью вспять,
Слова достав из пыльных ножен,
Что под пятой рассудка спят.

Дорога полнилась в то лето
Из ручейков окрестных сел,
Росла воротами Толедо,
Собой заполнив лес и дол.

Мотор трудился без обмана.
Все ближе, ближе высота,
И с покрывалами тумана
Лишалась тайны красота.

На высшей точке перевала
Родник, мороза камня твердь,
Избытка чувств девятым валом
Обрушил барельефа медь.

«Что вы везете?» – «Грибоеда».
Сам на коне, а он в гробу.
Все муки ревности изведав,
Испытывали вы судьбу.

И запоздалое участие
Придет, как сон, само собой.
При жизни рады крохам счастья,
И только памятник – горой.

ГЕРГЕРЫ

Жарким летом в забытом селе
Вдоль дороги кусты ежевики,
Словно сплетницы, шепчутся вслед
Горожанке строптивой Вике.

Не удержишь ее в селе,
И мохнатились ягоды шмелем,
Будто шмель ненароком присел,
Безнадежно запутался в хмеле.

Есть в гармонии свой разлад.
Беспокойным взглядом дуэньи
Охраняла тебя и пасла
Твоя мать с неумным рвением.

Вызываю тебя, как спирт –
Орлеанскую деву Жанну.
И пока округа не спит,
Полюбуется, кто к нам пожаловал.

Нас ковер-самолет перенес
Снова в пушкинские Гергеры.
Даром что ль его конь пронес,
Как чеканный терцет Алигьери.

ПОГОНЯ

Гнала нас в ночь лихая удаль,
И Дафною столбы бежали,
Погоня порождала ужас,
И возопили вслед скрижали.

Застыла лавром на мосту,
А бог глядел из вод Гедара.
Мотора монотонный стук
Веки сомкнул тебе устало.

Откуда взялся этот столб?
Его с утра здесь не стояло.
Анны Ахматовой прикол
За полуночными столами.

Но обошлось – помялся бок
Машины, и манит порогом
Твой дом в оговоренный срок,
И месяц – недопитым рогом.

Знай дело, веря в свой успех,
От альфы до омеги с точкой,
Забудь про мишуру утех
И что тебя сомненья точат.

Но отчий дом ты не забудь,
И пусть тебе не будет в тягость,
Пожитки собирая в путь,
Печаль укладывая на радость.

МУЗЕЙ В СОЧИ

Он с портрета ревниво
За гостями следит,
И, как Тоня, красива
Наша женщина гид.

В этом доме Островский
Жил и книги писал.
Хоть не граф он московский,
Лаптем щи не хлебал.

Трафарет сохранили
В назидание зрячим –
Не транжирьте, мол, силы,
Есть дела много значимее.

В доме вещи простые.
Все как было при нем.
На столе скатерть стильная
Растекается льном.

Как и все, лен не вечен.
Вещь имеет свой век.
Со своими увечьями,
Будто вещь человек.

Корки книг без замен.
Он в руках их держал.
Овод, Власов, Месс-Менд
Против своры держав.

Лавой шли на Варшаву,
И у стен Перекопа
Вы клинками нержавыми
Брали с боем окопы.

Неохота куражиться,
Вечно быть молодым,
И с чужбины покажется
Даже островом Крым.

Отдыхая на травке,
Будут трусы брюзжать.
Но останется Павка,
Жив Сережа Брузжак.

Закалялась со школы
Сталь мальчишки того,
И врага так же колет
Штык на книге его.

КЕРЧЬ

А. Галустову

Приказ был прорываться к морю
И как всегда не обсужден.
Но каждый среди вас, героев,
Уже заране обречен.

Ты ездовой, но пушка ваша –
Песчинка в этом море зла.
И даже думать было страшно,
Что пуля-дура цель нашла.

И стинули куда-то кони,
Лишь облака, как табуны.
Тебе из крымского далека
Родные горы не видны.

Вокруг тебя орлы-подранки
И падают в гвардейский рост,
И смерть их носит спозаранку
На кровью залитый погост.

А уступать никто не хочет,
И ты кричишь: «Сынок, пригнись!»
И догоняешь что есть мочи,
И через силу тянешь вниз.

И вплоть до дальнего лимана
Идет стеной кровавый смерч.
Здесь вся земля сплошная рана,
И жертвы требует с вас Керчь.

ПАМЯТЬ

Брату Шуре

Ты ребенком от ножей
Под тахтою схоронился.
По раскладу ворожей
Жить тебе и веселиться.

Лихо знал ты не по книжке,
Виноватый без вины,
Испытал судьбу парнишкой
С первых месяцев войны.

Смерть настигла возле Курска.
В братской ты лежишь могиле
Иль на дне в окопе узком,
Старикам не сообщили.

Службы ратной срок короткий,
А потом покой и тишь.
На меня из-под пилотки
С фотографии глядишь.

БАВАРСКОЕ ПИВО

Ночью все кошки серы,
Женщины все хороши.
Забыли давно, что съели
Готовые все крушить.

Закрыты железные двери –
Попробуй сунься в бар.
Никто тебе не поверит,
Будь ты хоть бард.

И словно при важном деле,
Манекен в человеческий рост
Потемкинской деревни
Баварское пиво принес.

Потешный в картонных доспехах,
Замер в дверях истукан,
Будто на танке въехал
Живой генерал Гудериан.

Железным крестам рады,
Вернулись с войны назад,
Идут разудалым парадом...
Где убитый мой брат?

КИНОТЕАТР В СУХУМИ

Ни одного билета в кассе.
Мужчина: «Да, но я герой...»
А в зале скоро свет погасят,
И вспыхнет на экране бой.

Горел он ярче всех закатов.
Сосед танкистом, видно, был.
Ловил он жадно кадр за кадром
И все на свете позабыл.

До Прохоровки снова близко,
И на груди горит звезда.
Какою страшною пропиской
Вошла война в нас навсегда.

Горели танки, словно свечи.
Рулил механик в озерцо.
Охваченный огнем по плечи,
Спешил он уберечь лицо.

Пропитанный до пят бензином,
Комбинезон ловушкой стал.
И летним был тебе и зимним,
Когда ты плакал и мужал.

А озерцо, что твоя лужа –
Притягивает, как магнит.
И танк твой снова будет нужен,
И вот поодаль «Тигр» горит.

В бою трофеев мы не брали,
И танк на танк упрямо лез,
Как на слонику слон взобрался
И не спешит оттуда слезть.

И снова ужас наважденья,
И не отпускает боль.
В Сухуми – фильм «Освобождение»,
И танки псами рвутся в бой.

ОБЕЛИСК

Г. Поженяну

Боксер и воин, бард-поэт,
Он пел про круг и место в шлюпке.
Измене в дружбе места нет,
Как трусу в командирской рубке.

Швыряет вал за валом море.
Ну что с того, что ты на суше.
Со шкипером любим поспорим,
И годы голос не заглушат.

Вы вытянули злой билет,
Держа удар, как Сегалович,
Жизни неполных двадцать лет
Ради других отдать готовы.

Как было страшно на войне –
В снегах, десантах и на море.
Вас извещеньем слишком скоро
В Сухом Лимане зря хоронят.

Но в минных погребах своих
Память востребует безусых
Ребят, чью жизнь продолжит стих,
Кто в бой ушел и не вернулся.

Десант сражается – он жив,
И отражаясь в обелиске,
Нам завещал достойно жить,
Гореть стожарами неблизкими.

ВОЗВРАЩЕННЫЙ АД

Нас не призвали в ту войну –
По возрасту не подлежали.
Мы не оправдывали с жаром
Свою невольную вину.

Прокладывая к знаниям тропки,
С чьей-то светлой головы,
Мы, новобранцы-одногодки,
Сдавали краткий курс войны.

Макета театр военных действий,
И как всамделишный в огне –
К нам возвращался ужас детства
Тарелкой черной на стене.

Полковник помнил академии,
А первую – прошел в войну,
Рейхстага комнаты в сраженьях
Он брал, как бюргера жену.

В спортивном зале Эвридика
Училась оседлать бревно.
И нам сначала было дико
Освоить то, что не дано.

Не повторяя путь Орфея,
В плену сонетов и баллад,
От перегрузок сатанея,
Готовы в свой спуститься ад.

ПОЛНОЧНАЯ СТОЯНКА

Мне снился сон тревожный:
По льду во весь опор
На нартах непорожных
Спешу в далекий форт.

Светает слишком поздно,
Но через три часа
Зайдет скуное солнце
За злые тороса.

Уже разбита с толком
Стоянка у реки.
Всю ночь мне скалят волки
Голодные клыки.

Прервав собак кормежку,
Стараясь не упасть,
Бросаю головешку
Волчище прямо в пасть.

Дыхнув паленой шерстью,
Зверь прыгнул от костра,
Сменив осады место
И не изведав страх.

Костер к утру сгорает,
А хвоста запас,
Как снег, от жара тает
И не спасает нас.

Как долог путь астральный.
Не выжав слез из глаз,
Доскою мемориальной
Не отмечают нас.

Мечты, где ваша сладость?
Развеялись – и пусть.
И Лондона рассказом
Скребется в сердце грусть.

ОСТРОВ БЕДЫ

Поэма

*Памяти Л. Челидзе,
В. Чимакадзе, А. Гачечиладзе*

I

Уходят наши товарищи,
Падают как в войну.
Я вроде один на пожарище
И ставлю себе в вину.

Память, как конь, стреножена.
Помню каждый ушиб.
Режу монтажными ножницами
Живые пласты души.

Одно у нас отечество
И горек его дым.
Вспоминаю я молодчество,
Отдавая долг молодым.

Снова на равных мы с лектором.
Только друзья вокруг.
Стихи, как хинкали, лепим,
Глотая по сорок штук.

На Бесики бесятся пьяные,
И мы заявили на крик.
Ни поздно ни слишком рано.
Чимка, я, Чик-Чирик.

У нас на троих по шницелю
И возраст ребячих проказ.
Если рано жениться,
Выпить в самый раз.

Сидим в погребке за бочкой.
Бочка костяшкой лото.
Кто-то еще выпить хочет,
А другой готов.

Стипендия, наша отрада,
Сквозь пальцы уходит в песок.
Как мало нам было надо,
Как папа еще высок.

2

Сидим в погребке прилежно,
И счет нам давно расписан.
Мы сами, как маршал Брежнев,
Не в силах прочесть написанное.

Куда нам стопы направить,
Сменив погребка кров?
В бутылку цедим саперави,
Как донора свежую кровь.

Решили: идем в гости,
Куда не позвали нас.
А дом тот найти непросто
Трем парам нетрезвых глаз.

Готовы любому дать сдачи,
Но улицы сонны, пусты.
Бутылку, с собою прихваченную,
Как женщину, тащим в кусты.

И вот мы стоим на пороге
Мтацминды притихших квартир.
Встречает нас длинноногая,
С которой никто не ходил.

Так в дом на Давидовской площади,
Тонуший в сирени кустах,
Ввалились мы, как лошади,
От вина и стихов устав.

Пока мы чаи гоняли,
Костер жгли скандальных стихов,
Какой-то вор и охальник
Бутылку увел из кустов.

А я отказаться не смею,
Когда ты, щедра и легка,
Есенина книгу посмертную
Готова достать с потолка.

Взлетела стремянкой по стенке,
И я ей галантно помог,
Глаза отводя от коленок,
От стройных ее ног.

Как долго печатать медлили,
У сыска бессрочные сроки.
Настигла поэта не петля.
Бухарина злые строки.

Он бил, как палач, умело,
И каждая мысль не проста,
Поэзии дивное тело
На площади распластав.

Редает людей вереница,
С кем стоило дружить.
Есенин подарком приснился
И продолжает жить.

А годы Курюю струились,
И друг мой хвалил за глаза,
И в шутку прозвал Джо Луисом,
О чем я недавно узнал.

Порядком мы все устали,
Но памяти помнит тайник,
Как лапы боксерские Двали
Болели от крюков моих.

А мне далеко за тридцать
И даже за пятьдесят.
Я часто готов удивиться,
Поймав откровенный взгляд.

Ту девушку в Сололаках
Я долго забыть не мог,
Что взглядом меня обласкала
В начале житейских дорог.

И словно решая задачу,
Хоть часто не по пути,
Ищу ту бутылку значенную
И все не могу найти.

3

Не рвались мы в менестрели,
Себе урывая куски,
Но кое-что в жизни успели
В тяжелые марш-броски.

Поти, футбола родина,
Стал оплотом коммерции.
Тобою я больше взволнован,
Королева Мтацминды Мерция.

И «Ласточкой» в сердце ранен,
Торжественно светел и тих,
Котэ Махарадзе с экрана
Про Чимку читает стихи.

А Леву мы видим в титрах,
И он продолжает жить –
Остался ярким юпитером
Осиротелым светить.

Мы верили в добрые вести,
Надежды развеялись в дым.
Плывет в океане вечности
Алика остров беды.

У каждого есть своя песня
И к ней подбираешь ключи.
Отважного Весли «Валенсия»
Реквиемом звучит.

Позабылись девчонки и книжки,
Жизни ярмарки хоровод.
Дорогие мои мальчишки,
Как вас мне недостает.

Как часто, ища совета,
Держась за последний редут,
Я к вам тянулся, как к свету.
Знал – не подведут.

Исчезнувших вокруг тыщи,
Каждый для близких царь.
Уходят, уходят мальчишки,
Разбивая наши сердца.

ТЕНИ

В стайке прохожих,
забывших о чести,
красавиц раздетых
и взятых в кольцо,
мелькнуло на миг
вроде не к месту
убитого друга
живое лицо.
За каждым достойным
встают неменяемые.
Отторгни ты их,
за ненужность кляня.
На переправе
коней не меняют,
а друг –
он ближе любого коня.

ЗАКЛИНАНИЕ

Не отдаляйся от друзей,
Случайный опыт бесполезен.
Пара назвавшихся груздей
Силком в твой кузов не ползет.
Не отдаляйся от друзей.

Ты с возрастом не стал мудрей,
Но обходясь без лишней лычки,
Вниманьем дорожи друзей,
Как чудом уцелевшей спичкой.
Не отдаляйся от друзей.

С годами чувства поскупей
И на общение не настроены.
На друга время не жалея –
Осталось их от силы трое.
Не отдаляйся от друзей.

* * *

Свалилась ты снегом на голову,
Хромает сравнение мое,
Слова, словно жидкое олово,
На старую мельницу льешь.

Суть правды сменит небылица,
Теснит эскадроном гусар.
Мелькают размытые лица,
А мед все течет по усам.

Медведи сбежали со льдины
И хлещут в жару квас.
С маэстро Томмазо Сальвини
Попробуй води мастер-класс.

К вечерне спешить не надо
Героям парижских книг –
В них Хэма и Фицджеральда
Души оборвался крик.

С ковровой дорожки в Канне
Шлют другу заочный привет.
С кем вместе сдвигали стаканы,
А друга давно уже нет.

ЭКСЛИБРИС

Сниму с тяжелой полки книги
С летящим ростерком друзей,
Что громоподобным МИГом
Мелькнули в юности моей.

Не побывав в каких-то странах,
О них мы спорим без конца.
Сын классика отметил ранний
Талант наш с генами отца.

И знали записные книжки:
Нет жанра более важней.
О книгах грезили мальчишки,
В них переплавив серость дней.

Живые в памяти живых,
Подумать даже не успели,
Что книги пережили их,
Как долгожительница – Шелли.

БАЛЛАДА О ДРУГЕ

Ты был всех лучше для меня.

С.Есенин

Подорвался на mine,
Полетел под откос,
Уж тебя нет в помине,
Мне стихи не принес.

Камни мечут уроды,
И изломанный прессом,
Мчался ты через годы,
Разгоняясь экспрессом.

Крик последнего круга.
Громыкая без сил,
Не послушал ты друга
И не притормозил.

Издержался на нелюдей
И растратил запал.
В этой страшной комедии
Ты и пан, и пропал.

Верить слухам — не верить,
Отошел ли ты в вечность.
Или только потери
Учат быть человечней.

Мысль терзает шальная:
Не расстались мы вроде.
На чужбине гуляют,
Умирают на родине.

ПОДАРОК

А вот и Вова Соколов. Это редкая книжка!

Надпись на книге «Любовь как любовь»

Ты цену знал подарка.
Следы твоих чернил,
Свидетельства восторга,
Я в книге находил.

Так в голод ломтик хлеба
И тонкий недешев.
Стихов его отведав,
Я мастера нашел.

Иду волшебным лесом
И на стволах чужих
Встречаю я зарубки –
Ты рядом и ты жив.

И дав мне хлеб, не камень,
Хоть я и не просил,
Хранить огонь оставил,
Покуда хватит сил.

НЕ ВЕРЬ

Не верь, что меня больше нет.
Я в чем-то остался навеки.

Л. Челидзе

Лист бумаги пожелтелой
Птицей выпорхнул из книги –
Преданных душой и телом
В кинозал зовет интрига.

Пригласительным билетом
О себе мне вновь напомнил.
Позабылось, ты ли это
С тенью бой затеял в школе.

Фильма вашего премьеры.
Лицедейства блеск гостей.
Не последний и не первый
Друг средь сонмища теней.

Сарояна строчкой ранней,
Обнаруженной в томах,
Ты мою бередишь рану,
Не состарившись в годах.

Четверть века пролетела.
Пленка старится с годами.
Постороннему нет дела
До того, что ты не с нами.

Надвое надорван пропуск –
Контролера знак усердя.
Скажем: рана, если спросят,
Разорвавшегося сердца.

СЛЕПОК ЖИЗНИ

Ушел ты в черный майский день,
Не выпив наспех чашки чаю,
И все теперь кому не лень
Твои заслуги отмечают.

А мне остался от тебя
Один-единственный из снимков:
Как сазандар, Тифлис любя,
Мы над Курой стоим в обнимку.

Ты моей жизни частью был.
Твоей семье дарю я снимок,
Он отражает боль и былъ
Событий трудно объяснимых.

Сильны генетикой отцов,
Мы закалялись в одном горне.
Как тех сиамских близнецов,
Нас не разять уже без боли.

Будто всамделишный хирург,
Я острием английской стали
Границу режу плеч и рук –
Заветный слепок жизни старой.

В СТЕПИ

Не спросяся броду, не суйся в воду.

Пословица

Центральная усадьба
Осталась позади.
Спешу я, как на свадьбу,
А свадьбы не найти.

Не сделал пару бродов
В чужом краю степном,
Не знал он недородов
И гладкий, как стекло.

Полуторка пылила,
Как видно, год назад.
Иду я через силу,
Но мне сам черт не брат.

И не с руки мне злиться,
Беды не расхлебав.
Вокруг одна пшеница –
Хрущев растил хлеба.

Страна сильнее не стала.
В полях гниет зерно.
Бригадой на комбайне
Гоняли мы в кино.

Меня предметом мэтра,
Отрада для зануд,
Спасла тригонометрия,
Ее какой-то пункт.

Сюда по доскам тонким
В распахнутый простор
Затаскивал девчонку
Чумазный комбайнер.

И новенькой растерянность
Костер не отражал.
Всю ночь металась тень
Да песни каторжан.

И не ломая ноги,
Спасаясь с высоты,
Сдавали недотроги
Напарникам хвосты.

Стоял знак на высоте,
Когда вконец устав,
Нашел я путь короткий
На полевой наш стан.

Встречали меня «молнией»
И кашей негустой
Студенты малахольные,
Как спутники – Кусто.

Нас кашеварка Таня
Все рвется угостить.
Доволен я братаньем,
А мог ведь не дойти.

Мы для ее времянки
Срезали камыши,
И рвался свист зарянки
В догадливой тиши.

НОЧНОЙ РАЗЪЕЗД

«Правды» нет, есть «Труд» за 3 копейки.

Разговор у киоска «Союзпечати»

Расчет шел воробьиной ночью,
В какую водят на расстрелы.
На поллитровку хватит точно,
Бухгалтеры пускали стрелы.

О трудоднях спор неуместен,
Как под домбру шлагер Дассена.
Хоть в одиночку и все вместе
Ищи иголку в стоге сена.

Как с поля ратного солдаты,
Сбежали воры бригадиры.
На абордаж взяли пираты
Студенческую бригадину.

Уж не везли в пшеничном море
Нас паруса, и привечал,
Как правда, горькою водою
Пока незримый Баскунчак.

О первом спутнике Земли
Узнали мы в пути по рации,
И все запомнить не могли,
Спеша домой, названья станций.

ЧИТАЯ ГЕЙНЕ

Мне все не дает покою
Старинная сказка одна.

Г. Гейне

Сердца порывы умерь, не жалея,
Если тебя позвала Лорелея.

Золото кос распустила она,
Ты же поверил: в тебя влюблена.

Праздные мысли гони поскорее –
Многих гребцов погубил старый Рейн.

Замков воздушных песчаный след
Смыт волной на гиблой скале.

И не таращ ты напрасно глаза,
Мало кого кто в тумане позвал.

АМАДЕЙ

Все меньше стало Моцартов в жизни.
Больше метят выйти в Сальери.
Вздорные слухи приплели к тризне,
Признать не спешат гения гением.

Пушкин гармонию алгеброй не поверил –
Маленькой трагедии большой грех.
Сам осушил чашу яда безверия
И уверяет в злой версии всех.

Храм Солнца. Фон Борн. Зороастр на троне.
Соавтор сюжета «Волшебной флейты».
От отвара отравы навек успокоен.
Царицей Ночи напуганы дети.

Закрыли Амадея глаза вещие,
Шпаги клинок приставили к сердцу.
Горит свеча в черепе человеком.
Масонская клятва. Реквием вечности.

Помнит кто исповедь Калиостро?
Слухи о разгуле Моцарта идут кругом.
Разорен бильярдной игрой острой,
Обрюхатил Магдалину, судачит округа.

Его заказали и зажали в тиски.
Отправляясь с женой в скучный Пратер,
Не скрывает он смертельной тоски
От жизни, ставшей узкой, как платье.

Адов коктейль – мышьяк и ртуть на воде.
Маэстро знаменит, но беззащитен.
Следов его не найти нигде.
Общей могилы приют незавидный.

Жив стереотип вечно юного гения,
А гению двести с лишним лет.
Заговора психозом охвачена Вена,
Задули Амадея свечи яркий свет.

Охота на ведьм страшной холеры.
Убийц его распознать не сумели.
Моцарт остался отравленным гением
И распятым в веках лжеубийца Сальери.

БЕТХОВЕН

Забыв про библейский бисер,
В свирепой своей глухоте
В красавиц влюблялся он быстро,
Не видя, что вовсе не те.

Шедевры творя в запальчивости –
Крик обнаженной души,
Целовал в мечтах пальцы,
Нежно его душившие.

Как нищий, прятал в котомку
Улыбку и ласковый взгляд.
Бежал лунный свет ломкий,
Отражаясь болью в глазах.

Но помнят графиню Гвиччарди,
Кузину Терезу с галчатами –
Сонаты ладьями отчалили
В океан чувств непочатых.

Лебедем прильнув к Леде,
В любви мы богам сродни,
А знатная леди и Джуди О'Треди
Во всем остальном равны.

ПЕВЕЦ

В. Козину

Я не вернусь на материк,
За Магаданом свет не виден.
Не отозвалась ты на крик,
И на тебя я не в обиде.

Сирени веткой одинокой
Простилась ты со мною веря.
А кто-то с вышки смотрит зорко
И застрелить готов, как зверя.

Наш поезд мчал и исчезал
В дрожащей легкой серой дымке.
Там я этапом брел в слезах
И не спешил пропасть на дыбе.

В каких кругах я проходил,
За лагерем здесь лагерь стынет,
И весь во власти ты горилл
Остаток жизни злой, постылый.

Зеленый театр мне снился долго:
Танго свое пою охотникам.
В краю забытом пропал иголкой,
Но на концерты рвутся сотни.

А мой костер тебе не светит,
Он был затоптан на снегу,
Я перед вечностью в ответе
И оправдаюсь как могу.

Я не ушел на материк.
За Магаданом свет не виден.
Прощальный зов, напрасный крик.
Прошла любовь, прошла обида.

ВСПОМНИЛ РЕДАКЦИЮ

Не оставляй меня на ночь.
Реплика дежурной метранпажу

Шутка твоя полыхнула огнем –
Строчкой ромansa забытого.
А мы на дежурстве водку пьем,
Не смотри так сердито.

Вместо постели постылая полоса,
И ты на ней королева.
Море слизнуло замок и сад.
Одни курьеры ословелые.

Верный паж метранпаж не спит.
На исходе безумной ночи
Вряд ли захочет он Мэрил Стрип,
Если даже она захочет.

Эту ночь посчитаем за две.
Свое взяв, ночь уходит жуиром.
Бригадой рвемся в парадную дверь,
К застоялой машине дежурной.

Смене конец. В печать скорей.
К комбинату путь недолгий,
И пьяные шлюшки голосуют тебе,
Принимая за владельца «Волги».

Я сам по себе и вроде ничей,
Но судьбе не прошу это:
На тыщу любовей хватило б ночей,
Украденных газетой.

ОСЕНЬ

Э. Квиташвили

Счет пылят открыла осень золотая,
И к разлуке скорой желтые цветы.
Слюбится-разлюбится, мучаясь, мечтая.
Видят все подруги и не видишь ты.

А смятение сердца время не заглушит.
Припорошит голову увяданья снег.
Крик последних аистов западает в душу –
Улетают птицы в Африку, к весне.

И в саду с акаций опадают листья.
Кто-то птичьи гнезда в кучу побросал.
Тихо плачет ветер, и в унылом свисте
Улетевших аистов слышны голоса.

ПЕРВАЯ ЧИТАТЕЛЬНИЦА

Голоса пернатых
С каждым днем глуше.
Небо делят пиратами,
Никого не слушаая.

Держат курс на Африку.
Заскучали осенью.
Ищут страны жаркие,
А не наши сонные.

Не зайду на лекцию.
Заболел я вроде.
В воздухе инфекцией
Осени распосдия.

В коридоре стынет
На стене газета.
Юная разиня
Шепчет стихи эти.

Выбрала. Забыла.
Ушла навеки.
Боже, когда это было?
В прошлом веке.

ЖЕНА АЛЬПИНИСТА

Мы воздушные замки строили,
Друг от друга отличные,
И тебе ничего не стоило
Оставаться на курсе личностью.

Увлекался я больше шахматами,
А девчонки смотрелись принцессами,
С формами незахвачанными
И мечтой о герое «Экспедиционер».

Позабылись брюнетки с шатенками
Без единого вздоха и боли.
Ты бесстрашно полезла на стенку
И нашла своего плейбоя.

У каждого в мечтах Эверест,
Выше галки заходятся в гаме,
Распрекрасная из невест,
Несыгранная роль Гамлета.

Обращаясь за десятки лет
Долгожданной кометой Галлея,
Из далеких миров льешь свет,
Заставляя в чудо верить.

Разевают ущелья шербатые пасти,
Поглощая желания и чаяния.
Снова падаю я в пропасти
Телефона твоего молчания.

Не боясь, что меня оспорят,
Я скажу, не забыв ничего,
Ну зачем ему эти горы,
Когда рядом вершина его.

ОБЕЩАНИЕ

Мы были, как котята, слепы,
Подброшенные кем-то в дом,
Писать пытались, как поэты,
Как Франсуа Сюлли-Прюдом.

В спортзал срывались мы без спроса,
Где Двали ставил нам удар,
И сочетая драку с боксом,
Их путали, как божий дар.

Тот зал давно уж окультурен,
И не рассудит, не простит.
В нем кафедра литературы
Своих профессоров растит.

Не снятся больше львы и драки,
И не взволнует никого
Имя тех лет Мисс Сололаки
В подъезде дома твоего.

Но чудо пишущей машинки
Не умалить и не забыть –
Мне однокурсница блондинка
Ее хотела подарить.

Мы были, как котята, слепы.

СНОВА ТЫ

Дом как дом, хоть и старой постройки.
Лифт усталый в подъезде молчит.
Снова ты, молодая и звонкая,
Одолжила у тетки ключи.

Обещала конспект свой тоненький.
Как девчонки в учебе сильны.
Двое нас и разбитые слоники
На пианино у дальней стены.

Женихов в группе нас трое.
Говорю ей: «Бросьте войну!»
А она мне: «Он кем-то настроен»
И припомнила друга вину.

Слышит плохо после болезни –
Осложнение схватило ушки.
И ничем я ей не полезен,
Хоть кричи, хоть стреляй из пушки.

Хорошо в Очамчире при штиле.
Снова вспомнил твой голос и волосы.
Солнца лучик к полу припилен.
И глаза немного раскосые.

На проспекте гостиницы, бары,
Ресторанов заморская рать.
Ах, как хочется стать барином,
Ничего не пытаюсь понять.

Принимая поклон за поклоном
Бывших близких, чужих потом,
Я иду, вконец разоренный,
Как сожженный питоевский дом.

Как солдат, не сберегший знамя,
От прохожих скрываю глаза.
Не дождусь я ответа-признанья
На слова, что тогда не сказал.

Стройная, как яхта.
И, как яхта, далекая.
С берега не видать названья.
Где ты была, черноокая,
Когда я ходил в капитанах?

МОРЕ

Сухой Фонтан. Какой-то бред.
Его ведь море омывало.
Пьянило, как заморский бренд,
И лодку на волне качало.

Мы к морю шли, и вдоль дороги
Тянулись грядки табака,
Распластанные чьи-то дроги,
Как тот пыленок табака.

Хозяйский сын был ушлый малый,
В повозке кнут он разглядел,
Довольствуясь добычей малой,
Коня украсть не захотел.

Конь же стодиться мог в хозяйстве,
И ни к чему без него кнут.
Давали за коня полцарства,
Теперь навряд ли отдадут.

За нами тени гнались стойко,
Им бы в свидетели идти.
Мы молча миновали стройку,
Но тням, видно, по пути.

А море с каждым шагом близко,
Все ближе пляжа полоса.
Прибой, вскипая, сыпал брызги,
Не остужая телеса.

ЕЛЕНА

Как в Ялте чеховская дама,
Гуляла с книжкой на бульваре.
И я пропал, как сын Приама,
Убитый греками вульгарно.

А все же то была игра,
И про себя ты балом правила.
И шпиц из книжки выбегал,
Опережая нас по правилам.

За поворотом поворот
Пусть не обманет ожидания.
Нахал прыщавый у ворот,
Как старый долг, кланчил свиданья.

Пусть для кого-то это спорт,
Строка пустая в списке длинном.
Был стадион, а рядом корт
За терренкуром серпантинным.

Не ел я в номере арбуз,
А параллели просто просят.
Мы, вылезши из лишних блуз,
Несли на пляже околесицу.

А солнце жгло и обжигало.
Под взглядами ты возлежала,
Живот атласный свой поглаживала,
К себе надолго привораживая.

И все у нас наоборот.
Вернулась ты в свою столицу,
А я молчу который год,
Как дама та, живя в провинции.

Я вспомнил чеховский рассказ,
И словно влез в чужую кожу.
Невольный вышел пересказ,
А все же что-то было схожим.

МОМЕНТ ИСТИНЫ

Вороньих криков толчея,
Картавой птицы срыв шарахный,
Нарушив дерзко мертвый час,
Стучат бильярдными шарами.

На море времени навалом,
И время покатать шары.
Не все на танцы валят валом,
На людях пробуя шалить.

Вот оттеняя бледность щек,
Сойдя крутой тропинкой сада,
Вся незнакомая еще,
Пришла и молча села рядом.

И не ко времени, не впрок
Ты вдруг увидел нежеланно,
Как на краю постылой ванны
В часах торопится песок.

ПЕСНЯ

В море прячется светило,
Будто в море варят сталь.
Мне сегодня подфартило —
На концерт билет достал.

Гастролер собрал аншлаги.
Угасал июльский день.
Кто-то вынес белый флаг,
Безразличный, как тюлень.

Мы сидим в одном ряду,
Через восемь мягких кресел.
Ты с подругой, как редут,
Неприступные принцессы.

Все по-своему в ударе.
Как поет он, черт лохматый.
Говорят, кому-то в зале
Пылкие бросает взгляды.

Смотрят люди, не дыша.
До чего же хороша.
Видно, сильно куролесил,
Оттого румян и весел.

Моя хата та, что с краю.
Ничего о них не знаю,
Классно смотрятся вдвоем,
Есть любовь — и мы поем.

На рыбалке у реки
Тянут сети рыбаки.
И реактор где-то жарит,
В жар идут одни пожарные.

Взгляд твой тоже берегу,
Как удавшуюся песню.
На курортном берегу
До чего же мир стал тесен.

И сдается мне, вдвоем
Мы еще не раз споем.
Без рыбалки и реки
Тянут сети рыбаки.

ПЕТЕРБУРГСКИЙ МОТИВ

Обещала прийти ночью,
На беду хозяйка не спит
И узнать про жилищку хочет,
На ночь глядя куда спешит.

А узнает – шепнет наверх,
И тогда прощай служба.
Разлучают влюбленных всех
Обстоятельства ненужные.

Так бежали впустую часы,
Хоть реви – не поможет нисколько.
А старуха ведьма не спит,
Заставляя понять Раскольникова.

СЛЕПОЙ ТРОЛЛЕЙБУС

В чужую душу ты не влезешь
И в собственную не вступи.
Бежал троллейбус по-газельи,
С салоном сонным и пустым.

И в такт ускоренного бега
Сосед мой думал и дремал.
На месте, крайнем как омега,
Тетрадку тонкую достал.

Нацелился карандашом умело
На лист, не тронутый, как снег,
Слепив портрет штрихами смелыми
Той, что мечтала как во сне.

В волнах кудрей отменно желтых
Пылало женское лицо,
Стараньем властным приближенное
Опомнившимся молодцом.

Художник в куртке нероскошной
И с виду вовсе не Тарзан.
А вот мальчишка осторожно
Косит в тетраточку глаза.

И не польстил тогда нисколько,
Ей нос никак не уменьшил,
Он опустил в карман глубокий
Эскиз и выйти поспешил.

Она о чем-то призадумалась,
Была в салоне и не тут.
Божественный огонь задули,
Мы проморгали красоту.

Как далека она от подиума
Девиц с округлыми грудями.
И не сведет тебя с ума,
И явно на модель не тянет.

И что нам до судьбы чужой,
Сегодня вроде не до жиру.
Бежал своею стороной
Слепой троллейбус с пассажирами.

ЗАКРЫТАЯ ГЛАВА

Она была в Париже.

В. Высоцкий

Стоит город обедни,
Если город Париж,
Ты сказала намедни,
А сегодня молчишь.

Не бываю в Париже,
Где горбатый Монмартр.
Ты играешь престижно,
Зазывая в театр.

Поздравления актрисе
Посылать не люблю.
Осень спела Патрисией
Свой пронзительный блюз.

Так любовью большою
Ты мне душу согрей.
Я сегодня прощенный
Иль уйти поскорей?

Вновь с охапками сена
Буриданов пример.
Кто-то бросился в Сену,
Ну а кто-то премьер.

Праздник этот не с нами,
Зря ликует Монмартр.
И квартиры все в найме,
И старик Хэм не прав.

И химерами скалится
Надо мной Нотр-Дам.
Не уносит печали
Под мостами вода.

И вконец я растерян,
И обидой разбит.
Если близко там Сена,
То умру от любви.

ДЕВУШКА ЕСТ СЛИВЫ

Фруктовый сад ее груди –
Ждут сбора полные корзины.
Так горы манят впереди,
Угадываемые из низины.

Приятно выпуклый корсаж –
Как льнут к грудям чертовки сливы.
Вином любви пьянит пассаж,
Нрав незнакомки шаловливой.

Вдохнуло жизнь в страницы книги
Перо волшебника Роллана.
Смятение чувств. Канва интриги.
Неопалимый куст желанья.

Сабина, Сильвия и Ада.
Крик птицы в золоченой клетке.
И райский сад и круги ада.
А сливы гнут-ломают ветки.

ВЕСЕННЕЕ НАСТРОЕНИЕ

Ах, какие женщины
Ходят среди нас –
И талантом мечены,
И улада глаз.

Смотрим, как на чудо,
И не мы одни,
Позабыв про юдоль,
Горестные дни.

Стройные, как башни,
И черта к черте.
Не допустят шашней,
Да и мы не те.

Вавилонской башней
Заплела язык.
Ты меня не спрашивай,
Понимать отвык.

Ах, какие женщины
Ходят по весне.
Гибкие орешины.
Белые как снег.

Не заманят в сборники,
Держу оборону.
Платоновых – в дворники,
На четыре стороны.

Мети метла, пока светла
Дорога дальнбойная.
Что не вымели вчера,
Подметем сегодня мы.

Отцвевает лебеда
Под забором шатким.
Прокатили – не беда,
Поиграли в прятки.

Лихтенберг нас убеждал
(Двести лет, заметьте!) –
Распознают божий дар
Через столетие.

ЯСОН В КОЛХИДЕ

Легенды с жизнью часто путая,
Устав от плаванья бесплодного,
Спешу отбросить знаний путы,
Забыв, какого сам я рода.

Раз заглянув в глаза лукавые,
Как властно мне ты приказала,
Готов отныне тебя славить
Под пересуды всего зала.

Кампанию с Колхидой путая,
В ближайший год или недели
Тебе во всем послушным буду я,
Волшебница без чуда зелий.

И Ариадною на деле,
Забывшей своего Тесея,
Со мной чаровница Медея
И все, о чем мечтать не смею.

ЧУЖАЯ НЕВЕСТА

Ты далека-далека от меня,
Как поэзия от прозы.
Станцию за станцией менял
График нагоняющий поезд.

Позови меня в райские куши.
О, как манят губы тугие –
Замирает сердце над кручей,
А целуют их, видно, другие.

Как бездумно ты весела,
Окольцованная кем-то птица.
Он тебя ломает на свой лад
И не больно спешит жениться.

Все ж готов я биться об заклад,
Никуда не денется любимый.
Слишком много обещает клад,
Чтоб не соблазниться, пройти мимо.

В ЧУЖОМ ПИРУ

Ты просила совета,
Как другого увлечь,
Отвергая с порога
Пожиманием плеч.

Обещала в разведку
Взять меня одного,
Записать бы в тетрадку
И заучивать роль.

Орудийною парой
Ты глаза навела,
Раскрывая в деталях
Мне чужие дела.

Больно ранила залпом
Меня глаз твоих синь.
В перестрелке короткой
Пострадал я один.

Ни о чем не жалею,
Про себя так решил.
Остаюсь тебе другом
Из последних я сил.

* * *

Когда, казалось, нет уж сил
Разлуку пережить с тобою,
Мне радость случай подарил,
Как перемирие после боя.

Но снова пулею пронзило
То обручальное кольцо,
И ничего не отразило
Твое спокойное лицо.

Случайной встречи краткий миг.
О главном не сказав ни слова
На твой невольный этот вскрик,
Надолго мы расстались снова.

А кто-то близкий мне перечит
И тихо шепчет: не балуй.
Храню подарком нашу встречу
И твой невинный поцелуй.

ЮДИФЬ

Аббатство рядом, через Темзу.
Постой немного на мосту,
Пока тебя не увезут
И ветер вымучит слезу.

Вестминстер – Мекка англичанина –
Уходит колоннадой ввысь.
Ты, неизбежным опечалена,
С печалью больше не борись.

Разлука нам судьбой завешана,
Коль эта жизнь так дорога.
И два народа птицей вещей
Брели по разным берегам.

Брат бросил якорь в дальнем крае,
Упругий парус зачихлил.
И свадьбу там они сыграли,
И по традиции дождь лил.

Брат для тебя Ньютон и Дарвин,
И, может, даже Копперфилд.
Я вспомнил Диккенса недавно,
А он со мною шел всю жизнь.

Спешат навстречу вам прохожие,
И среди них Жерар Филип.
Ну до чего они похожи,
А этот к мостовой прилип.

Он заглянул в глаза бездонные
И утонул в твоих озерах,
Как я когда-то. Обездолен,
Рассыпав нитку мыслей зерен.

«Смайл!» – говорит он умоляюще,
Улыбку требуя к лицу,
Как жажду путник утоляющий,
Мучений радуясь концу.

И аналогией на диво
Тебя представил он мгновенно
Красавицей вдовой Юдифью
И с головою Олоферна.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Не обернулась птицей счастья,
Не выпала небесной манною,
Ты обещаешь пообщаться,
Да все обманываешь.

Слова все стертые, натужные.
И мысли тросом за канаткой
Пролягут армией послушной,
Как опьяненные фанатки.

Противостояние заело –
Ну прямо Крамер против Крамера.
И плечи мраморные белые
Ты обнажила перед камерой.

Так каждый ищет где получше –
На космодроме иль в Ла-Манче.
Ты поражаешь сходством с лучиком,
Всегда капризным и заманчивым.

НА ВОЛНЕ, КАК НА ВОЙНЕ

Самым умным в тот год
было море –
целовало тебе ноги
вором,
обнимало в волнах
иступленно.
Просто так, скуки ради,
а не влюбленно.
Я бы высек его,
будь рядом.
Показалась мне жизнь
серым рядом.
На волне, как на войне,
ташат краденое,
и дороже вдвойне
от тебя награда мне.
Я стихи твои,
как слепой, трогаю.
Для кого ты была
недотрогою?
Неуклюжие слова
танцу волоком
и под ноги твои
стелю войлоком.
Мы о счастье
до хрипоты спорим,
а удачливо
бесстыжее море.

ЗАВТРАК НА ТРАВЕ

Сидишь изящно
на краю лодочки,
скамейки парковой,
амазонкою.
Плывут от ближнего
ресторана
соблазны обморочные
и очень стойкие.
Крутая самочка
прошла аллеей,
застыла в стойке.
Проспал все праздники,
похмельем смятый,
твой недостойный.
И им непонятая,
обвиться хмелем
спешишь,
усталая.
Груди холмами,
желаньем поднятыми,
на нас
установилась.
А у тебя
в улыбке пляшут,
алея, губы.
Какой-то песик
походкой валкой
идет вдоль клумбы.
Несет хвост скалкой.
Пристал, как пьяный,
и будто спрашивает,
чего нам надо.
Слизнул с твоей руки
обломок тающий
шоколада.
Вот так
без паники
мы, видно, тоже
с тобой расстанемся.
Так для чего же
прикрыла ставни,
как паинька?

ПРОЗРЕНИЕ

Не была ты. Тебя я выдумал,
Будто Бог, из чужого ребра.
Из игры с потерями выйду,
Откупившись мощной серебра.

Не скажу ничего обидного,
Как стучался в глухие врата.
Не была ты. Тебя я выдумал,
В лабиринте чувств заплутав.

* * *

Ничего между нами не было –
Приштели злые мытари.
Была далека ты, как небо,
Как звезды размытые.

В сердце твоём надежды
Мои не нашли отклика.
Будем знакомы, как прежде,
И пересуды нам побоку.

Но думаю о тебе часто,
Как о невыигранном бое.
Порвать, что ли, на части
Фотографию в альбоме?

МОЯ КОРРЕСПОНДЕНТСКАЯ

Там, где мы бывали,
Нам танков не давали.

К. Симонов

Ради нескольких строчек в газете
Вы мотались на передовой
И единственной в целом свете
Наказали ждать живой.

Жизнь как ожидание встречи.
И она для вас важна,
И хочет быть вашей женщиной
На лугу, где грохочет война.

И не просто новая аура,
Которую себе приметил,
Поверив в Петрарки Лауру
И не веря в приметы.

Ради нескольких строчек в газете,
За которые ни гроша,
Я плюю на условности эти
И не сдерживаю шаг.

Не слушай меня с испугом,
Редкая, как корень женшени.
Снова стала планета лугом
С конями и женщинами.

СОПЕРНИКИ

Влюбиться можно за эти стихи.

Из разговора

Не влюбились в поэта,
А в его же стихи.
Может статься, поэтому
Я заметно притих.

Где же тут справедливость?
Я срываюсь на крик.
Так скажите на милость,
Фактам всем вопреки.

Ночь убита рассветом,
Небо жжет кумачом.
Вы влюбились в поэта,
И стихи ни при чем.

«ТИТАНИК»

В кают-компании
зовут к завтраку.
В их Океании
чужой я и завтра.
Уйду проспектом,
впадая в панику, —
всплыл из проекта
призрак «Титаника».
Непотопляемого
снимают на пленку.
Расчищают подвалы.
Понятны ребенку
мотивы аврала.
Рестораны, фильмы
тянут руки жадные.
Пароход жив,
дышет жабрами.
Стиснул горло
комок удушья —
вспомнились Гоголя
мертвые души.
Как вам
там кушается?
С бутафорской палубы
смахнув фишки людей,
Кэмерон
носится
с камерой
самонадеянно.
Выстроил
на воде
кладбище манекенов.
Зависти
не испытав ни капли,
смотрю на шалости
Ди Каприо.
На корабельном носу
без причины
тискает девчонку
над пучиной.
Портретом задвинут
в школьные ранцы,
без вины
зацелованным
до потери глянца,
идол Леонардо,
хоть не да Винчи.

На смену титанам –
где взять их нынче? –
приходят тираны.
Бедный «Титаник»!
И вам
уже больше
никто не завидует.
Тонут титаники,
доселе невиданные.

КОРОЛЕВСКАЯ ИГРА

Падение с шахматной доски –
Фигуры сброшены с досады.
В горле комком взошли ростки
Чьей-то боли, как рассады.

Лежат впотьмах в неловком плене,
Забыть пытаюсь горечь сдачи,
Вповалку пешки с королевами,
Не веря собственной удаче.

Как вздох, затишье после боя,
И в самый раз мечтать о кухне.
Попытка дорогого стоит,
Коль на кону надежда рухнет.

Но в предвкушении реванша
Рискнет король, доверясь слепо
Атаке храброго Маршалла,
Врага желая сжить со света.

ДЕНЬ ПОМИНОВЕНИЯ

Загородили, понастроили
И перекрыли все пути.
Свои могилы я, расстроенный,
Так долго не могу найти.

Сирень снежком бросает в лица,
Цветы весной ликуют тут.
И умереть или жениться –
И что за цель и что за труд.

Хлопочут женщины спесивые
Среди надгробий дорогих,
И молодые и красивые,
Как свежи голоса у них.

Не узнаны, не узнаваемы,
На этой ярмарке спешим,
Вином стаканы наполняем мы
И улыбаемся живым.

ВЕЧНЫЙ ГОН

Теряя след журавля в небе,
Отказываясь от синицы,
Успеха вкуса раз отведав,
Всю жизнь идем за Синей птицей.

Но только жар в крови остынет,
Удачу схватишь за бока,
Заявится с косою посылая
Хоть в Кинешму, хоть в Абакан.

НАСРЕДДИН В БУХАРЕ

Тонул Джафар когда-то в Бухаре,
В покрытом ряской водоеме.
Тут объявился, как на грех,
Гонимый роком неумным,

Ходжа в заплатанном халате,
Шепча стихи из «Гулистана»
О той, кого любил когда-то,
Не разлюбив на расстоянии.

«На!» – подал руку бедолаге.
«Давай! Давай!» – кричали люди,
Поэта не узнав в бродяге,
Мечтающим каким он будет.

Брать куда легче, чем давать,
Как это часто многим кажется,
И очень важно различать
Не только чопорным красавицам.

А все стихи уже написаны,
А все красавицы целованы,
И все достоинства неписанные
Не удостоят гроша ломаного.

Ростовщика спасешь из омута –
Назавтра о тебе не вспомнит.
Но снова нужен ты кому-то,
И счастье для тебя неполно.

ОБВАЛ

Экобедой – обвалом Слова
В развалах пыльных книжных груд
За томик графа Льва Толстого
Полушки медной не дают.

Мы годы потеряли даром,
На каждый выпал недород.
Книгу Белинского в подарок
Мужик с базара не несет.

Предали клятвы и заветы,
И спрос диктует предложение.
Каким чужим холодным ветром
Доносит дым сданных сражений.

В ответе каждый и всем скопом,
Что неучей ряды растут.
В археологических раскопках
Годами Слово не найдуг.

* * *

Медленно, как стихов строчки,
Прибывает вода в колодце.
Пустить бы еще лягушку –
Вода холоднее будет.

ПРОВОДЫ ЛЮБВИ

Ночь в гостинице застала.
Утром сколько ни смотри,
что отдал, считай, пропало
книгой Сент-Экзюпери.

Одолжил ее соседу.
Он, уйдя в ночной полет,
взял в полет и книгу эту,
как запретный сладкий плод.

Похищение со взломом,
кража, что ни говори.
Оценил гость незнакомый,
видно, Сент-Экзюпери.

Захватил с собой в дорогу,
не боясь людской молвы.
Но запомнились надолго
твои провода любви.

Не придумав довод веский
удержать его, несмело
приподняв край занавески,
тайно гостью вслед смотрела.

Ночь в гостинице застала.
Утром сколько ни смотри,
что отдал, то и пропало
книгой Сент-Экзюпери.

НОЧНЫЕ ДЕМОНЫ

Затаились гаражи,
как ежи.
Что нам делать?
Скажи.
Подскажи.
Закрутила-завела
нас жизнь.
Ты меня не брани.
Сдержись.
И о прошлом
ты не тужи.
Чего не было,
того дождись.
Но по каплям
уходит жизнь,
и так хочется
еще пожить.
А люди вокруг,
как ежи.
Не согласна?
Другое скажи.
Ну, а в общем
прекрасна жизнь.
И не надо
ни о чем тужить.

Как может мир перевернуть
Одна невиданная встреча,
И круто изменить нам путь,
Еще невидимый в тот вечер.

Май одарил мою судьбу
Тобой – единственной на свете.
Я до тех пор был просто грум,
А ты ждала меня в карете.

ИСПЫТАНИЕ

Меня все сны одолевают,
И что ни сон – то невпопад
Не в жар, а в ад меня бросает
Неделю целую подряд.

И что ни сон – опять задача,
Решать которую берусь:
То в драке недодал я сдачи,
То неисполненного грусть.

И сам себя экзаменую,
И строго самого сужу,
Но променять жизнь на иную
Пока я все же воздержусь.

ПОХВАЛА РАЗУМУ

С возрастом становишься мудрее,
Замечая и просчет других.
Убежденный твердо в своей вере,
Удивляешь знанием, как гид.

Так заведено: к закату жизни
Разум сидит впору, как костюм.
Пусть твои желанья сникли,
Рассуждаешь, как философ Юм.

Вот и вся нехитрая наука,
Лучшей правды, право, не найти.
Разум – замечательная штука,
Если не задержится в пути.

СКЕРЦО

«Лагуна Вера» –
Веры лагуна.
Готов поверить
Не одной лгунье.

Наплыв как в Сочи.
Ну впрямь модели.
Как будто ночью
Воры раздели.

Глаза арабки.
Стреляют бойко.
Схватить в охапку,
Умчать на тройке.

Цыган и тройки
Сменили «мерсы».
Послать на стройку,
Вот было б весело.

Немеет разум,
Вразброд глаза.
Обнять всех разом,
Да жаль, нельзя.

В РЕСТОРАНЕ

За шампанское давно уже уплачено.
Что не выпито – уносим как трофей.
Апельсины позолотой схвачены
И милее скользких трюфелей.

Есть интрига встречи в каждом блюде.
Анекдоты расстреляй, стихов обоймы.
Не пребудет нас и не убудет,
Все навеселе и тем довольны.

Наш приятель из другого теста,
Он немало выпил и потехи ради
Пляшет все лезгинку под оркестр,
И ему за представление рады.

Нож зажат в зубах зверино-крепких,
Со стола заимствован у нас.
Сам танцор он ровно метр с кепкой,
И отбой нам, видно, не указ.

Кто-то перебрав, утрюм, невесел.
Официанты - стенкой. Женский визг.
На перилах гроздьями «одессы»
Девочки повисли – пьяны вдрызг.

От вина и шума ты растерян.
Для кого-то вечер впрямь прекрасный.
Девочки мешают – их портьерой
В сторону сдвигают парни в красном.

Ну а после было все иначе.
Мы как стеклышко и по-спортивному легки
Апельсины теннисными мячиками
По ступенькам мчат вперегонки.

СТРОЮ КНИГУ

Снова я по жизни строю книгу,
Вспоминая что-то второпях,
Будто поутру на выпас выгнал
Трогательно-ласковых телят.

Пахнущую типографской краской,
Книгу ты листаешь не спеша.
Знаешь, пруд затягивает ряска,
Коль к воде не убыстряют шаг.

Между строк находишь следы спешки.
Королева ты, я твой вассал.
Согласись, что мы в стихах не пешки,
Просто отчего-то я устал.

Не судите меня слишком строго,
Будь и ты внимательна ко мне.
Сколько раз по жизни был растроган –
Отдалялся, не сойдясь в цене.

ИНФАРКТ

Я, как стебель к корню поникший,
Распростерт на каталке больничной.
С медсестрой, не знакомой с Ницше,
Мчим на скорости, и она – за рикшу.

В коридоре редкие встречные
Липнут спинами к серым стенам.
В этот час черед стендов
Стала узким тоннелем вечности.

Ницше миф о сверхчеловеке
Оказался обычными драками.
Вот и лев – властелин природы –
Мертвый хуже живой собаки.

Говорят, что планета в опасности,
Мир, возможно, спасет красота.
Только, знаешь, мне это без разницы.
Ситуация в корне не та.

Разуверился в чьей-либо помощи,
Исчерпал я доверья лимит,
Только жалость прочел к своей немощи –
Женских глаз беспощадный вердикт.

Когда тебя недуг загонит,
Как лошадь, пущенную вскачь,
Ты изощряешься, как Кони,
В словах, как тертый тот калач.

К себе не допуская жалости,
Ресурс имеет даже сталь,
Не зная творческой усталости,
Осилишь тягости, как встарь.

Не жди, что кто-то тебе скажет:
Жизнь прожита тобой не зря;
И узел гордиев развяжет,
За промедленье не коря.

ОПАЛЯЮЩИЙ ЖАР

Затерялась на даче
В благодатной тени.
Не с твоей ли подачи
Буду я знаменит?

Перекинулся с неба
Опаляющий жар.
Никогда еще не был
Без псалма пономарь.

Все слова вроде сказаны,
Повторять ни к чему.
Точно клятвой я связан,
А какой – не пойму.

Упоён совершенством
И подарком судьбы.
В храме жрицею Весты
Равнодушьем убит.

Затвержу аллилуйей:
Выше планку держи.
Я косу поцелую
Жарче золота ржи.

ПОРЫВ

Позвони мне без повода,
Просто так позвони, –
Будто гордости проводы,
Нетерпенья зенит.

Стал звонок твой наградой,
А других вроде нет.
Привалила мне радость,
Мой счастливый билет.

Не спеши за флюиды
Выдать робкий порыв.
Гролом мартовской иды
Ледостава прорыв.

ДОН КИХОТ

Алонсо Добрый околдован –
В безумстве видит вражий замок,
Простолюдинке шлет поклоны,
Ослеп влюбленными глазами.

Мосты подняли, сердца глухи,
И вздорных слухов полна округа,
Но он упрямо не верит слухам,
Он ищет угол в простецком круге.

Конем троянским стала книга,
В дома проникла пчелиным роем.
Стихи – заветный ключ интриги –
Засовы сердца всегда откроют.

Пусть дон Алонсо рыцарем не был,
А потаскушку за даму приняли,
Мы тайный вызов бросаем небу
И пишем кровью, не чернилами.

Как вреден север для меня,
И вся надежда на одежды.
Хоть по весне ручки звенят,
Но по-иному, не как прежде.

С годами сдвинут ориентир,
И солнце всходит будто с севера,
Уйти с насиженных квартир,
Исполнить то, во что не верилось.

Все глуше голоса друзей,
С кем соли пуд в застольях съедено.
Чаша забвенья Колизей
До дна испита, как заведено.

Пусть вреден север для меня,
На переправе смена климата.
Как все же сладостно манят.
Туманные причалы Плимута.

РЕМБО

Обломком кораблекрушенья
Домой в Арденны занесен,
О прошлом не терпел суждений,
Не допуская даже в сон.

В скитаньях маяки сместились.
(Приди, дитя, тебя здесь ждут!)
А ярость строчек птицей билась
И кремнем зажигала трут.

Рембо рифмует пляски моря
Под ритмы смешанных широт,
И всех незрячих переспорит,
И их на спор переживет.

Немою раковиной с виду,
Но громче тысяч клавишин,
Море к прослушиванью выйдет –
Ты только к уху поднеси.

СОВЕТ СЕБЕ

Не прорастай душою к ближнему,
Не занимай чужую площадь,
Встречай рассвет в убогой хижине,
Подругу выбирай попроще.

Твой ближний обратится в дальнего,
Дальний и вовсе был случайным,
Слова, что вырвались нечаянно, –
Одежды сбросившая тайна.

Шуты ловчей и нас успешней,
Их баритон чеканит слово,
Зарезанную дочь поспешно
Они в мешок покласть готовы.

Как одурачен ты, паяц.
Пал занавес, сгорели люстры.
Спешит из театра выйти шустрый,
Занять бесприкрытый плац.

ОБМАНЧИВАЯ ЗЫБЬ

Хочу войти в тебя, как в море,
Пусть раздаются берега.
Готов любого переспорить
Под неумолчный чаек гам.

Дозором ненасытной бури
Идет обманчивая зыбь.
Обходит сапой берег хмурый,
Заставы неподвижных рыб.

Лохань диковинных чудовищ.
Приняв ее за океан,
Руками пустоту ты ловишь,
От солнца слеп и в доску пьян.

И поощряемый улыбкой,
Ты, отзываясь на каприз,
Ступил ногой на мостик зыбкий,
Как на предательский карниз.

ДВА ЧАСА ПОСЛЕ ПОЛУНОЧИ

Мне был подарок послан свыше.
Мир насторожен, праздно тих.
Я, не рискуя быть услышанным,
В полночный час писал стихи.

Нежданно робко и пугливо
Вошла в палату медсестра.
Глаза смотрели шаловливо
Блеском немислимых растрат.

Все по-хозяйски чинно, ушло.
И я надежно был укрыт,
Как того требовала служба.
Ангел в обличии сестры.

Поправила подушку молча
И также молча скрылась с глаз.
Мне ей шепнуть хотелось очень:
«Как вы красивы в этот час».

Ночью все женщины красивы.
Ветер устал и вроде стих,
Пустив на ветер свои силы,
В палате трое: ночь, я, мой стих.

EXERCICE

Хочу написать что-то важное, грузное,
Чтоб ты прочитала, чтоб ты засмеялась,
Но все, хоть порви, получается грустное,
Как будто разрушил кто чудную завязь.

Как будто за чуждое дело я взялся,
Слоном потоптал орхидееву грядку,
Погнался по полю за парюю зайцев,
А все оказалось впустую, негладко.

Как будто бы нищему справил подарки,
И что ни стихи – самому я не верю.
Ломлюсь почему-то в открытые двери.
Стиха не сложить впопыхах, из-под палки

Приходят мысли запоздалые
И не ко времени решения
Из трогательно-детской дали,
И откровенные, и грешные.

А ты, упрямец и смутьян,
Отставив то, что плыло в руки,
Пришел незванный в чуждый стан,
Где сам же умирал от скуки.

Ты растерял учеников.
Кто работягой был, кто – трутнем.
Свободный и среди оков,
Ты позабыл, как их зовут-то.

Жнешь только то, что сам посеял,
По жизни оставляя след –
Светом во времени рассеянный
В огромной и холодной мгле.

НАСЛЕДСТВО

Живя по скромным средствам,
Тем, что добыл пером,
Я обделен наследством,
Как в сказке у Перро.

В раскладе кот и мельница.
Твой друг нашел меня,
А в твой уход не верится –
Нас трое у огня.

Горит камин в марани
И греет душу мне.
Прорвался стих спонтанно
Абреком на коне.

Нам память вновь подруга,
И чтобы повезло,
Затянем мы подпругу,
Садясь опять в седло.

ВСЕ СПЕШУ

Смысл сакральных слов утратив,
И приюта, где гостил,
В порыжелые тетради
Заношу себе стихи.

Все спешу, забыв про лень,
Важных дел каких-то жду.
И ослабить не надеюсь
Я удавки тесный жгут.

Растерял в дороге звезды,
В звездной пыли не найду.
Позову тебя я слезно
И в горячечном бреде.

От болезни дайте средство,
В редком заплутал лесу.
Тебе верность, как невеста,
На поверку пронесу.

КОГДА ПОВЕЗЕТ

Поверив, что камень в скале сидит,
Не кувыркнется в пропасть,
На камне сажу, как в седле джигит,
Благо камней здесь пропасть.

С горы не скатись, сосед говорит,
Владелец белой «Волги».
Смелость мой рискованной шит,
Расчет меня мало трогает.

Сосед с краю сидит кое-как,
А учит других уму-разуму.
Лучше давай махнем в кабак,
Как в Арктику – Руал Амундсен.

Прошли года, но картинка жива,
Осталась мгновеньем данности.
Смелость мою простила жена,
За сроком просроченной давности.

В двадцать лет не даешь себе отчет,
Как в шаге был от смерти.
Если в жизни раз повезет,
Роптать на судьбу не смейте.

ДОНОС

Уходят наши враги, сообщил
Мой газетный коллега.
Бездарность ловчит из последних сил,
На лучших катит телегу.

За пазухой камень иуда пронес
Притворой на тайной вечере.
Издавна на них был особый спрос
И днем и вечером.

Наутро зовет семерых комсомол,
В обвальный кризис веры,
Как наиопасную из крамол,
На ковер в особняк Берия.

«Забыв обо всем на свете,
Читали вчера вы на Вере,
Как в храме венчалась неверная
Мери и еще про какой-то ветер.

Лучше давайте поэта про флаги».
(Флаги им вынь да положи!)
Отбились в тот раз бедолаги,
Бежала, поджав хвост, ложь.

Доносчик наш сочинял и стихи,
С припиской: недоброй памяти.
И рвалась на волю из чуждых стихий,
Заметала следы злая заметить.

ИГРА

Цыганки мяч пружиной скачет
И падает, как сердце, вниз.
Загадка он и что-то значит,
Как неразгаданный Тифлис.

Тот мяч из детства мне подброшен.
Тугой резинкой дан разгон.
Я с головой ныряю в прошлое,
В свой беспредельный марафон.

Мяч под завязку из опилок,
Как Винни-Пуха голова.
И вот каскадом изобильным
Текут незванные слова.

У времени свой шаг и стих.
Костюм не будет вечно носким.
Мы все пойдем и всех простим.
Мед выбрали весь крестоносцы.

ЛОРКА

Стреляйте в меня, убийцы,
Черед уступаю даром.
Ночь коротка, чтоб жениться,
Черна, как плащи жандармов.

За жизнь гроша ломаного
Не даст за мою никто,
Вот почему взволнованно
Сердце стучит в авто.

Рвется с надрывом в горы.
Оливы бегут строем.
Как страшно жить в городе –
В Гранаде не скроешься.

Луна не пойдет в свидетели,
В бубен бьет апельсиновый.
Со мной молчальники эти,
С мордами больно псинными.

Радость тревогой сменяя,
Мысли колибри мечутся.
Метили вы в меня –
Попали в человечество.

МОЛЬБА

Привычная в брючном костюме,
Сменила на платье с вырезом.
А челка твоя чистый вызов,
И вся ты хрустальной рюмкою.

Касаюсь руки осторожно,
Русалочий голос слушаю.
А платье выдало ножки,
Запали в смятенную душу.

Русалка пасквиль на женщину.
К чему мне их хвост рыбий.
Отторгну его, как лишний,
От мраморной цельной глыбы.

Потом говорю устало:
Ты только вернулась с моря,
Обернись для меня русалкой,
Утащи поскорее в омут.

НАБЕГ

Подбирают ключи к городу –
Норовят захватить богатства.
Не склонить наши головы гордые,
Не исчезнет тбилисское братство.

Легионы идут туристов.
Волчьей пасти щелчки камер
Разбивают на кадры храмы.
Без туристов в отелях пусто.

В мертвом городе спят мои предки,
В сени рощ Петре – Павле и Кукия.
Но увидишь: чужак нередко
Перекрестит свой рот от скуки.

Легионы досужих туристов.
Нет у гидов секретов от вас.
А цари продолжают грызться,
И точит булат шах Аббас.

Я о главном с тобой не спорю.
Избегают в доме повешенного
Разговоры вести о веревке.
Неприкосновенный запас вечности.

Не приемлю невзгоды далекие,
Отношения наши отслеживаю,
Берегу как зеницу ока
Неприкосновенный запас нежности.

И в свирепой своей бессоннице
Обнимаю колени твои.
Идут – идут радиоволны.
Неприкосновенный запас любви.

Ты мне сказала: поедem к морю
И в волны прыгнем с разбега – бах!
Ну не с руки мне с тобою спорить,
На два столетья забытый Бах.

Я не сторонник шумного действия.
Остался в доме, пустом и гулком...
И не утнаться негодным средствам
За скорым поездом на конке цугом.

Удар был сильным, не ожидал я,
Попал прицельно, под самый дых.
Брожу, как дервиш, близ Нарикала,
Под сенью башен ее седых.

Всего лишился – не сострадали.
Все флаги в гости спешили к вам.
Вы, не торгуясь, снимали залы,
Рукоплескали чужим словам.

АМУНДСЕН

Рули, Италия, перпетуум мобиле.
Воспойте подвиг героев круче.
Трубите славу Умберто Нобиле,
Чтобы расплылся в улыбке дуче.

Сигарой в небо ушла «Италия».
Настройте уши – эфир молчит.
Метель плеснула вспышкой алой.
Закрыта Арктика на все ключи.

Согласен – выдыхаю в трубку.
На зов откликнуться душа велит.
На гидроплане летим мы хрупком,
Коль больше взяток не прикупить.

Впервые в жизни ухожу в плаванье,
Освобожденный от пут долгов.
От самой северной норвежской гавани
Спешу соперников спасти без слов.

Я футболистом на крайнем севере
Промчусь наперерез мячу.
В кабине тесной нас будет шестеро.
Вам не откроюсь, куда лечу.

В краю, и летом вечно зимнем,
В морской пучине пропал «Латам».
Пустыми баками из-под бензина
Я вам прощальный салют отдам.

Нам распахните врата рая,
Но до последнего в спасенье верьте.
Уйдем в бессмертье, мы умирая, –
У храбрых не бывает смерти.

Руал в Тромсе, на должном месте,
Орлиный взгляд стремится на север.
Он так высок на постаменте –
Нас в новых викингов заставил верить.

МИРАЖИ

Хожу искусанный злыми зубками,
За каждой тучкой ловлю просвет.
А ты обиды метишь зарубками,
И мне прощенья вроде нет.

Не надо дуться на то, что не было,
Держать за пазухой бульжники слов.
За платья вырезом есть одно небо
И только мраморных пара холмов.

Прошу прощенья за все, что было.
Пусть суд рассудит и нас простит.
Старик Лир рек: по пояс небо
У женщины, а дальше – ад и стыд.

Поступки наши непредсказуемы.
Души порывы сменит кураж.
Не потревожьте вы сон Везувия.
Все остальное – сплошной мираж.

УРОКИ

Я пренебрег советом Фейгина
И не таскал портфель за мэтром,
Учился благоговейно
Писать заметки незаметные.

Оставленный по-барски милостиво,
Тот телефон его в редакции
Был только милостыни актом
И самолюбию не льстил мне.

Я не входил в дом под чинарами,
Не шел в кильватерном строю,
Не подбирал песен на нарах,
Не подражая никому.

Уроки дачи Ковалевского
И комарово – переделкинские
Я своевольно переделывал,
Как битву Александра Невского.

Не все по жизни выйдет гладко,
По заведенному порядку.
Я в ослепленьи, к счастью, кратком
Впустил верблюдницу в палатку.

НОЧНОЙ ПОЕЗД

Одни стояли в темном тамбуре,
И это пол бросал нас в дрожь.
Далекая, как немка в Гамбурге,
Ее не слышишь, не поймешь.

Поезд бежал, как угорелый,
Из всех своих машинных сил,
Когда я, молодостью смелый,
Про адрес городской спросил.

Вошел досмотром – ножом в масло –
К нам пограничников наряд.
Он в своей службе ненапрасной
Со мной меняться был бы рад.

В последний раз в ту ночь бессонную
Я руку легкую держал,
И ранен был, как Смит-Вессоном,
И что-то важное терял.

Кривить душой сейчас не стану:
Небезразлично было мне,
Когда на росном полустанке
Ты потерялась в полутьме.

Все отношения непрочные
Уйдут в беспамятство дорог,
Но вот подробности той ночи
Я не забыл, да и не мог.

Где ты теперь, бывлая спутница,
Как ты живешь и хлеб жуешь.
Меня при встрече с кем-то спутаешь,
Вновь обретая, не спасешь.

ГАЛАКТИОН

Какая ласковость в кафешке,
А мы шумели в пивном зале.
Там жажду утолив неспешно,
Рождению стиха внимали.

Стихи рождаются экспромтом.
За Родосом проходит Крит.
Так прилежаньем скучным в спорте
Атлет вдруг за рекорд летит.

Заметив за соседом слежку
И запахнув на шее шарф,
Стаканом с кружкой вперемешку
Пьем с гением на брудершафт.

Как в горле кость, судьба вставала,
И знак бессмертья в вышине.
Иным пришлось бы из подвала...
Вас поманила смерть в окне.

КРИК

Вы фразу боли обронули,
Когда терпеть стало невмочь,
И моментально позабыли,
Как умоляли вам помочь.

Но был услышан сигнал бедствия
Слепой агонией судов,
Взывавший к Богу о спасеньи
Всем драматизмом скудных слов.

Так в непогоду мачта гнется,
А парус гонит лодку вдаль.
И снова жизнь вам улыбнется,
И ничего уже не жаль.

Ты ей сочувствие не выразил
И заслужил немой укор.
Мольба осталась ложным вызовом,
На веру принятым легко.

ДВОЙНИКИ

В броню дамасскую закована,
При встрече вольность пресекая,
По телефону вы другая –
Ведете разговор рискованный.

И получается все просто.
Земля на трех китах стоит.
Как будто с вас потом не спросят,
Вы раскрываетесь в любви.

Но, благо, ваш двойник услужлив,
Он не позволит ничего.
Так на макушке лета стужа
Ожжет задутым очагом.

А мне по нраву та другая,
Что без руля и без ветрил.
Кремлевский горец двери рая,
Рай обещая, приоткрыл.

Исходит жизнь в глухих застенках,
И ждать награды нету сил.
Царь в веренище черных «эмок»
На дачу ближнюю спешил.

КАМЕШКИ

Мы в детстве в камешки играли
На городской площадке летом.
Узнав из книжки о Граале,
Не сбились с ног, ища по свету.

И я, как в злой немецкой сказке,
Оставлен Гензелем в лесу,
Лишенный маломальской ласки,
Был обречен на самосуд.

Калейдоскоп событий пестрый.
Мать дочерью купца была.
Нечистые на руку сестры
Все растащили по углам.

Как в сказке было, хоть не сразу.
Но бедняки умом берут.
Из-под пера, как по заказу,
Стихи алмазами сойдут.

И все так справедливо вышло.
Не на пределе моих сил.
Меня хранил и спас Всевышний,
Вас облапошит ювелир.

НЕ В СРОК

Меня, как зиму, гонят вон –
В доме затеяли уборку.
А мне бы строчек стройный звон
И новой книгой лечь на полку.

Ну чем не Гамлетов вопрос –
Быть иль не быть с великим рядом.
Так, облюбованный на снос,
Мой дом стоит столетним грандом.

Плесните мне в стакан вина.
Не срок раскачивать кадило.
И это не моя вина –
На столько лет опередил я

Тебя, родившись невпопад.
Хоть мои предки не спешили.
Признаться, лично был бы рад
Быть адресатом почты Шиллера.

ВСТРЕЧА

Отбросьте шоры,
Не время жмуриться.
Женщина в шортах
Идет по улице.

Чинары шепчутся
Со всех сторон:
«Бросайте чепчики
Под срыв ворон.

Как снайпер срежет
Обманом зрения.
Супруга Цезаря
Вне подозрения.

Но скажем твердо:
Для большей верности
Замкните бедра
Поясом верности.

Красивей не было.
И впрямь Нестан.
Попробуй с неба
Луну достань».

И мудрый Шота
Главой поник.
Есть в мире что-то
Сильнее книг.

* * *

Деньги все же пахнут
бензином
кровью
горем
жирной столовой
комнатой где кто-то болен

ЕЩЕ НЕ ВЕЧЕР

Он олимпийский чемпион,
но не научен громкой речи,
и славой, давящей на плечи,
не удивлен и не смущен.

При встрече любит повторять,
как это звание навечно.
И чемпионской силы стать
не обещает близкий вечер.

А два юнца в сквозном дворе
престижного большого дома
не видели его в игре,
накоротке с ним не знакомы.

Не знают, кто был их сосед,
ни имени его, ни званий.
Ну, а на нет и суда нет,
и как бы там его ни звали.

Мы в бой идем не славы ради
и на пределе наших сил.
Так в сорок первом на параде
мороз виски нам серебрил.

* * *

Никто не услышал обвала град.
Скатился камешек, слово твое.
Наверх поднять его – сизифов труд.

* * *

Не виделись мы год иль два.
Не мог себе представить раньше:
Внимал спокойно я словам
И видел только рот накрашенный.

И вроде то же красок буйство,
Иное утверждать не вправе.
Куда девалось это чувство,
Что позволяет нами править?

Былое позабыв едва ли
И прогоняя со лба тучку,
Стояла женщина усталая
И вспоминала свою внучку.

ТРИЗНА

Я время убивал в тот вечер,
А друг в мечту былую метил,
Когда к единственной на свете
Пришли мы оба в ближний дом.

Потом шампанское мы пили,
Притом нисколько не рискуя,
И эту истину простую
В полусухом вине нашли.

Друг выглядел влюбленным Лелем,
Я – равнодушным к ее чарам,
Как изваяния Кочара
В тиши картинных галерей.

Что-то огромное разрушили.
Я понимал: сию на тризне.
Она принцессою капризной
Сошла с рисунка Нади Рушевой.

В ночи убитый кем-то крик
Из нашей юности тревожной.
Мне предложила односложно
Писать проект совместных книг.

Я торопился в путь обратный.
Они остались в зарубежье.
Апатия правленья Брежнева
Нас разводила без возврата.

ВОЗВЫШЕННОСТЬ

Мы ждали на горе автобуса,
А он замешкался в пути.
Он за пять гривенников с носа
Наверх рядился подвести.

Стояло вровень с горой облако,
В нем окуляром чей-то глаз,
И в состоянии полуобморока
Немедленно отправил нас.

Вот яхтой облако скользнуло,
Будто подняли паруса,
Там по команде Вельзевула
Незримо ладился аврал.

В безмолвьи вечного покоя
Услышал трепет я ресниц,
И ни о чем уже не споря,
Перед тобой склонился ниц.

Курился ладан в Мухаттверди,
И с ветром спорила свеча,
А Реквием маэстро Верди
За все прощением звучал.

НЕЗНАКОМКА

Чья-то ты отрада
в высоком терему.
Не похож он на Прадо,
больше – на тюрьму.
Ты впрямь красавица прима.
Сравнение не грешит.
Но, как во времена Рима,
себя продаешь за гроши.
Полные губы морщишь,
дела свои побросав.
И рада б сбежать очень
и алые ждешь паруса.
Как за витриной конфета.
Не тронуть ее, не съесть.
Тревозно от одного этого –
знать, что ты есть.

* * *

Плакала дева в трамвае.
Кто отер ее слезы?

ОТКРЫТЫЙ РИНГ

Он вывел нас на центр ринга
И настрого предупредил:
Не свирепеть от зала крика,
Не драться, не жалея сил.

Так тренер – вроде не просили –
Обезоружил нас до боя.
Он был противник мордобоя,
Не в этом видел бокса силу.

Сам крепок был, притом не старый,
По-чемпионски цепок взгляд.
Признался: от моих ударов
Руки его потом болят.

Не становлюсь с годами хилым,
По-прежнему мысль мозг сверлит:
Я, если надо, бью вполсилы,
Чтоб ненароком не свалить.

ИТОГ НЕ ЗНАЯ ДО КОНЦА

Не зная кораблекрушений,
Впрягаясь в свой рабочий стол,
Готов ты одолеть лишения,
Не покидая порт Бристоль.

Вновь магии подвластны слова,
Открыты таинства широт,
И в приозерье Гумилева
Изысканный жираф живет.

Как сколок кокнутой копилки,
Букетом выдержанных слов
Стих в закупоренной бутылке
Достигнет дальних берегов.

Покрыв просторы океана,
Через десятки тысяч миль
Пленяет светом осиянный
И повсеместно будет мил.

Природа суть каприз явлений
И сокрушительных стихий.
В каждом бою есть упоенье,
И упоенья знак – стихи.

И если недруги не съели,
Как чужеродного тельца,
Достигнешь ты конечной цели,
Итог не зная до конца.

ОПАЛЯЮЩИЙ ЖАР

Все зависит от того, КАК вы читаете стихи.

Я их читаю доверчиво.

Я свято верю в то, что не дело литературоведа влезать «кухню» поэта и поучать автора, какими ему пользоваться рифмами, метафорами, сравнениями, ритмами... Правильно диктует поэт. Если он – Поэт. А я лишь благодаря подчиняюсь.

Арсен Еремян – поэт. Ему и командовать. Пусть он объяснит мне, что такое поэзия. Я прилежный ученик.

Наш город – город стихов. В Тбилиси могут общаться стихами, говорить тосты стихами, иногда мне кажется, что мои земляки и сны видят в стихах. Тбилисца удивить стихами очень сложно, а уж профессионального филолога каковым является автор этих заметок, и подавно. Арсен Еремян смог удивить, настолько свежие его строчки, и столько – и это главное – незаемные!..

Два года тому назад мне довелось с радостью и изумлением узнать, что в моем городе, где все – через одного – слагают рифмованные строчки, живет поэт, который никакой малейшей пошлости (от слова «пошлО», то есть затвужено, надоело, всем известно), с чувством меры, вкуса достоинства пишет свои стихотворения. Сквозняк! Свежий ветер! Пастернак ценил в поэзии «неслыханную простоту и мне неизвестны иные мерила поэтического дарования.

Невыносимо, если поэт на кого-то похож. Нетерпим, если поэт все время с кем-то аukaется, перекликается «Неслыханно» и «просто» пишет Арсен Еремян.

Мне посчастливилось прочитать и первую книгу стихов поэта «Автограф», и вторую – «Высота», которую вы держите в руках. Когда вы прочитаете обе эти книги, с легкостью убедитесь, что А.Еремян способен удивить не только своим поэтическим миром – своеобразным ярким, но и тем, что он, издав вторую книгу своих стихов, не просто расширил представление читателя о себе, но сделал какой-то необыкновенный новый шаг, вписав в новый поворот. И это тот редкий-редкий случай, когда поэт не только одолевает свой многотрудный путь, но сам является этим путем – со всей страстностью и чувственностью, мудростью и гневом, мужественностью и нежностью. А стихи – как версты на этом пути, по которому я следю – с интересом и доверием.

Как уже было сказано, я принимаю правила поэта и не навязываю своих.

Я принимаю прерывистый ритм его стихотворений, потому что понимаю и чувствую – это его прерывистое дыхание, это взволнованная речь неравнодушного человека. Стихи А.Еремяна так написаны и так читаются – сбивается дыхание, сердце бьется торопливо, эмоции волнами накатывают одна за другой, а память прокручивает и прокручивает свою бесконечную киноленту. Отсюда – сбивка ритма, отсюда – картинки как стоп-кадры, отсюда – интенсивность рассказа. Сгоряча, выстраданно. И я тоже попадаю в этот ритм. Если он сбивается, видимо, мне, читателю, необходимо встряхнуться, оглядеться и посмотреть вокруг повнимательнее.

Арсен Еремян – очень неповерхностный поэт. И я принимаю его неточные рифмы. Конечно, нам известен постулат, озвученный Арсением Тарковским, – «неточные рифмы – это плохой тон». Но несомненно и другое. Поэт – раб языка. И иной раз сам язык выделяет с поэтом невероятные вещи, извлекая из своих глубин настолько неожиданные явления, что поэту остается только записывать под диктовку родного языка. А.Еремян делает рифмами языковые созвучия, он смело нарушает рифмо-ритмические каноны и при этом магистрально проносит через свои тексты мощный интеллектуальный посыл, афористичный, хоть с ходу записывай, запоминай и цитируй. Поэтому он и дарит читателю стихотворения, отмеченные авторской самобытностью.

Конечно, в ремесле поэзии (а поэзия – и ремесло) почти невозможен поэт – недоучка, плохой и неблагодарный ученик, родства не помнящий. Я хорошо знаю, что А.Еремян – очень начитанный человек, и в его стихах можно заметить знание поэзии Пастернака, Тарковского, Самойлова... Думаю, что ему родственен и К.Симонов – поэт в прозе и прозаик в поэзии, сумевший облагородить и воспеть то, что, казалось бы, вообще находится за гранью стихотворчества.

Но по прочтении второй его книги, я стала сомневаться в этом. Думаю, что Арсен Еремян – сам себе учитель, и может набирать себе учеников и последователей, если, конечно, найдутся достойные.

Я надеюсь многому научиться у автора «Автографа» и «Высоты». Он ироничен. Он щедр. Он отходчив. Он исключительно благодарный человек. Он умеет любить. Наверное, по прочтении стихотворений Арсена Еремяна и нам, его благодарным читателям, перепадет немного той Любви, которой наполнены его книги.

Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ

КОММЕНТАРИИ

Аветисян Минас (1928 - 1975) - армянский живописец, график, театральный художник. Ушел великоопаленный пожаром своей мастерской с бесценными творениями.

Азнавур Шарль (Варенаг Азнавурян) родился 22 1924 г. во Франции, в семье армянских переселенцев. Америка объявила его «выдающимся явлением современного искусства пения». Автор более восьмисот песен. Девять из них входят в число лучших французских. Поет о любви так, как до сих пор еще никто никогда не пел» (Морис Шевалье). 18 мая 2005 г. великий шансон стал почетным гражданином города Канн за выдающийся вклад в мировое кино. По результатам опроса, вместе с теннисным чемпионом и удачливым шоуменом Яни Ноа и футболистом Зинедином Зиданом вошел в тройку самых популярных людей Франции.

Амундсен Руал (1872-1928) – норвежский полярник. С его именем связаны выдающиеся географические открытия. Погиб в Баренцевом море с пятью членами норвежской спасательной экспедиции на борту французского гидроплана «Латам», спеша на выручку терпящему бедствие экипажа дирижабля «Италия» исследователя Арктики Умберто Нобиле (1885-1978). Тромсё – 1 морской город Норвегии, стартовый пункт великих путешествий Амундсена.

Арденны – западное продолжение Рейнских Сланцевых гор на территории Франции, Бельгии и Люксембурга. **Арпа** (Восточный Арпачай) – левый приток Аракса, донор Севана (Гегамское море). Переброска вод Аракса в озеро осуществляется посредством сооруженного на Варденисском хребте 48-километрового тоннеля. Последний этап спасения жемчужины высокогорья - жемчужины цивилизации и бездумного использования многовековых запасов воды Большого Севана на нужды орошения земель и гидроэнергетики.

Ашшурбанипал (Ассурбанипал) - царь Ассирии в VII в. до н.э. Известен в истории и как собиратель древних письменных памятников. Его знаменитая клинописная библиотека (свыше 30 тысяч глиняных табличек) древнейшим эпосом Месопотамии о Гильгамеше найдена при раскопках легендарной Ниневии.

Башинджакян Геворг (1857 - 1925) - армянский художник-пейзажист и беллетрист.

Бесики - псевдоним выдающегося грузинского поэта Бессариона Габашвили (1749 - 1791).

«Беккер», «Фабрика роялей Беккер» - русская фортепианная фирма. Основана в 1841 г. в Петербурге Я.Д. Беккером. В 1903 г. фабрику «Беккер» купил К.К. Шредер. В 1918-м национализирована и получила название 2-й фортепианной. Через шесть лет на ее основе создана фабрика «Красный Октябрь».

Бомбар Ален - французский исследователь и врач. В 1952 г. пересек Атлантический океан в маленькой резиновой лодке «Еретик», доказав, что потерпевшие кораблекрушение люди могут длительное время прожить в море без запасов пищи и воды.

Весли - герой военной книги «Приключения Весли Джексона» американского писателя Уильяма Сарояна (1908-1981).

Галуа Эварист (1811 - 1832) - французский математик. Будучи осужден по ложному доносу, в ночь перед казнью исписал тонкую тетрадку небольшим числом весьма кратко написанных оригинальных работ, из-за новизны идей не понятых при жизни ученого. Опубликованные в 1846 г. Жозефом Лиувиллем, они положили начало развитию современной алгебры и принесли Галуа мировое признание.

Гарни - крепость, с III в. до н.э. по IV в. н.э. резиденция царей Армении, с языческим храмом, построенном во второй половине I в. н.э. и восстановленном в 60-х годах XX века.

Гвиччарди Джульетта, Брунsvик Тереза - две музы Людвиг ван Бетховена (1770-1827), которых он обесмертил, посвятив им Сонату лунного света («Лунная») и «Аппассионату» (Страстная).

Гегард (Айриванк) - один из самых известных монастырей средневековой Армении. После XIII века стал называться также монастырем Св.Гегарда (Св.Копья) в честь хранящегося здесь Св.Копья.

Гедар - небольшая речка на востоке армянской столицы; длиной всего в 20 километров, она отличается строптивым нравом.

Гибеллины - политическая партия в Италии XII-XV вв.; поддерживала императоров Германии и боролась с папской партией гвельфов; состояла в основном из представителей феодальной знати.

«Голубые роги» - литературная группа грузинских поэтов (1916-1930), испытавшая сильное влияние западноевропейского символизма. Среди ее представителей - Паоло Яшвили, Тициан Табидзе, Георгий Леонидзе,

Григол Робакидзе, Валериан Гаприндашвили и др. **Горгасал** (Горгаслан) **Вахтанг** - грузинский царь Вахтанг I (волколев - прозванный так из-за изображен волка и льва на шлеме), который основал Тбилиси. **Гран Жерас** - скальная стена во Французских Альпах место паломничества альпинистов.

«**Гулистан**» («Долина роз») - прозаическо-поэтическое собрание новелл великого иранского поэта Саади.

Давидовская площадь - в старом районе Сололак возле нижней станции фуникулера.

Дафна - в греческой мифологии нимфа, дочь речного бога Пеней. Спасаясь от преследования влюбленного Аполлона, просила помощи у отца и была обращена в лавровое дерево.

Дача Ковалевского в Одессе, **Комарово**, **Переделки** - дачные местности, связанные с именами Ивана Бунин, Анны Ахматовой, Бориса Пастернака.

Двали Шалва - известный грузинский боксер-средневес чемпион СССР 1945 г. в командном зачете. Закончив выступать на ринге, перешел на тренерскую работу, частности, руководил секцией бокса ТГУ.

«**Дети Арбата**» - роман русского советского писателя Анатолия Рыбакова о судьбе нескольких молодых москвичей; широкая картина жизни 30-х годов, больших свершений и потерь.

Дориан Грей - герой социально-философского романа «Портрет Дориана Грея» английского писателя Оска Уайльда (1854 - 1900).

Exercice (фр.) - упражнение.

Excelsior (англ. Вперед и выше!) - название баллады американского поэта Генри Лонгфелло (1807 - 1882) юноше, который отказывается от мира и счастья и неуверенно идет навстречу верной и неминуемой гибели во имя идеи.

«**Заря Востока**» - знаменитая русскоязычная газета столицы Грузии, основанная в июне 1922 г. Старший бухгалтер издательства, наш ангел-хранитель добрейших Давид Алексеевич Мартирузов помнил, как выписывая гонорар Сергею Есенину, Владимиру Маяковскому Исааку Бабелю!

Земмель - район площади Руставели в центре города обязанный своим названием владельцу аптеки Евгению Земмелю (1858-1922), провизору немецкого происхождения. Удостоверение врачебного отделения Тифлиского губернского правления свидетельствует о том, что Земмелю Евгению Яковлевичу «тифлисским губернатором 14 марта 1899 г. разрешено открытие в г. Тифли на Ольгинской улице, на севере от Московской улицы Верийского спуска вольной нормальной аптеки».

«...знатная леди и Джуки О'Треди во всем остальном равны» – стихотворная строка из творчества английского писателя Редьярда Киплинга (1895-1936), который памятен прежде всего его «Книгами Джунглей».

Кашвети – древнегрузинская церковь на проспекте Руставели. В дословном переводе – «родившая камень», что связано со старинной легендой о блуднице, показавшей на Св.Давида, как на виновника ее беременности, и за свой обман разрешившейся от бремени камнем, который и был положен в основание новой церкви на месте этого происшествия, получившей название Кашветской.

Кашен Марсель (1869 - 1958) – один из основателей Французской компартии (ФКП).

Казноба – грандиозное театрализованное представление, вроде европейских карнавалов и маскарадов. Игры его издревле велись в Тбилиси, отражая многовековую борьбу грузинского народа за независимость.

Quo vadis (лат.) – куда идешь.

Керем – герой восточной легенды, по преданию сгоревший от любви, из стихотворения «Как Керем» турецкого писателя- эмигранта Назыма Хикмета (1902 - 1963), лауреата международной премии Мира.

Кероглы (Короглы) – развалины средневековой крепости в окрестностях Тбилиси, по имени героя тюркского эпоса Кероглы, «благородного разбойника», заступника бедных.

Кильватер (гол.) – строй кораблей, следующих один за другим по прямой линии.

Коджори, Манглиси – горноклиматические курорты пригородной зоны Тбилиси.

Козин Вадим – в 30-х гг. был одним из самых популярных эстрадных исполнителей, унаследовав от бабушки, знаменитой певицы Вари Паниной красивый голос (чистое серебро!), всенародную славу и даже любимый романс – «Нищая» Алябьева на стихи Беранже. Перед войной блестящая карьера Козина трагически оборвалась – начались долгие сроки в магаданских лагерях. В 1950 году певец был досрочно освобожден, но отказался вернуться на Большую землю, остался в Магадане жить и петь.

Колизей – амфитеатр императоров династии Флавиев в Риме, памятник древнеримской архитектуры.

Кони Анатолий (1897-1937) – русский юрист и общественный деятель. Выдающийся судебный оратор.

Корчак Януш (Генрих Гольдшмит) (1878 - 1942) – выдающийся польский писатель, педагог, врач. Погиб в газовой камере нацистского лагеря смерти Треблінка с двумястами своими воспитанниками из Дома сирот варшавского гетто.

Кусто Жак Ив – французский ученый-океанограф, изобретатель акваланга, пионер подводных исследований по освоению человеком гидрокосмоса. Автор книг «Мире безмолвия» (Лондон, 1953, с Фредериком Дюма) «Живое море» (Лондон, 1963, с Джемсом Дагеном). «Лагуна Вера» - водноспортивный комплекс в Тбилиси.

«Ласточка» («Первая ласточка») - художественный фильм кинорежиссера Наны Мchedлидзе по сценарию Левана Челидзе о юности грузинского футбола.

Леда – в греческой мифологии супруга спартанского царя Тиндарея. Зевс явился к Леде в образе лебедя, и этого союза родились дочь Елена и близнецы Диоскуры. В античную эпоху миф о Леде и лебеде – излюбленный сюжет изобразительного искусства, как и поэзии: в живописи Леонардо да Винчи, Корреджо, Веронезе, Тинторетто.

Лермонтовская улица - здесь все навеяно воспоминаниями о поэте, «лермонтовский дом», в котором размещалась редакция газеты «Литератури Сакартвели» («Литературная Грузия»).

Лечаки (груз.) - вуаль.

Лихтенберг Георг Кристоф (1742-1799) – немецкий писатель, литературный, театральный и художественный критик эпохи Просвещения, ученый физик.

Лорелея - русалка-искусительница гребцов из старинной рейнской легенды, вдохновившая крупнейшего немецкого поэта XIX века Генриха Гейне (1797 - 1857) на создание поэтического шедевра, ставшего народной песней.

Лорка Федерико Гарсиа (1898-1936) – великий испанский поэт из андалузского села Фуэнте Вакея недалеко от Гранады. Как никто другой сумел глубоко воспеть связь испанца с его землей. Он сказал о своей недолгой жизни: «Самая печальная радость – быть поэтом. Все остальное не в счет. Даже смерть». 19 августа 1936 года поэт был расстрелян франкистами мятежниками.

Майдан, Сололаки, Авлабар - районы старого Тбилиси.

Марани (груз.) - винный погреб.

Маргиани Реваз (1916 - 1984) - грузинский поэт.

Маршалл Фрэнк Джеймс (1877 - 1944) - американский гроссмейстер, один из сильнейших шахматистов мира в начале XX века.

Матенадаран - Институт древних рукописей в Ереване.

Меджнун (Маджнун) - арабский поэт из распространенной восточной легенды о трагической любви Лейлы

и Мецхнуа.

Медея - дочь колхидского царя Аэты, волшебница, поделница предводителя аргонатов Ясона (Язона) в деле похищения золотого руна.

Меренблум - струнный оркестр Меренблума был популярен в Тбилиси в 30-50-е годы XX века, как престижный для панихид и похорон по высшему разряду.

Метехи - крепость и дворец грузинских царей, позже тюрьма - место заключения Горького и Камо. Сегодня от величия царского дворца сохранился храм Метехской Божьей Матери на крутом левом берегу Куры.

«**Минутка**» - ресторан на Севане.

Мкинвари (груз.) - Казбек, горная вершина в центральной части Большого Кавказа, край ледников и туризма.

Мтацминда (Святая гора) - с церковью Св. Давида и пантеоном видных представителей грузинской литературы, искусства и науки; с мемориальным гротом А.С. Грибоедова и его супруги, Нины Александровны, в девичестве княжны Чавчавадзе. На пьедестале памятника из черного мрамора с левой стороны надпись: «Ум и дела твои бессмертны в памяти русской; но для чего пережила тебя любовь моя!» На противоположной стороне: «Незабвенному - его Нина».

Мутну Сурб Геворг (Св. Георгия Мутнийского) - армянская церковь в Тбилиси,

Музей в Сочи - Дом-музей русского советского писателя Николая Островского (1904-1936). Овод, Власов, Месс-Менд - литературные герои романов Э.Л. Войнич, М. Горького и М. Шагинян.

Мухатгверди - возвышенность к западу от грузинской столицы, отведенная под городское кладбище.

Нарикала - крепость на гребне Сололакского хребта в Тбилиси - величественный памятник древнегрузинской архитектуры.

Никала - Нико Пиросманашвили (Пиросмани) (1862 - 1918) - замечательный грузинский живописец-самоучка. Герой хита Раймонда Паулса и Аллы Пугачевой «Миллион алых роз» на стихи Андрея Вознесенского.

Норашен Сурб Аствацацин (Пресвятой Богородицы) - армянская церковь в районе старого Тбилиси, ныне недействующая.

Овнатаян - династия армянских художников шести поколений, и самый известный из них Акоп Овнатаян (1806-1881); в нем наиболее ярко проявилась творческая мощь этого рода. Один из основоположников портретного жанра в армянском искусстве.

Палимпсест (греч.) - древняя рукопись, написанная на пергаменте после того, как с него счищен прежний

текст.

Панацея – древнегреческая богиня Панацея Исцеляющая.

«**Московская сага**» – роман Василия Аксенова. Его серийная телеэкранизация вызвала ажиотаж во второй половине 80-х гг.

Папазян Ваграм (1888 - 1968) - армянский актёр-трагик, прославившийся исполнением ролей в шекиревских драмах. Вершина творчества мастера - *Отелло* 1928 - 1932 гг. Автор книг «По театрам мира» (1937) и «Жизнь артиста» (1965). С их страниц встаёт образ актёра, которого Вл.Немирович-Данченко считал одним из «очень немногих прекраснейших исполнителей классического репертуара, которые заслуживают мировой славы».

Патрисия Каас (Мадемуазель Блюз) - звезда современной французской эстрады.

Петре – **Павле**, **Кукия** – районы старых кладбищ Тбилиси.

Письма Re - писательница Мариэтта Шагинян (1882) ещё молодой девушкой вступила, по ее словам, в борьбу за Сергея Рахманинова. В 1912 г. она писала статью против обвинения композитора в эклектизме, не захотела назваться и подписала свое письмо нотой Re... Рахманинов обратился ко мне в ответном письме как к Re, - и потом, до последней встречи нашей в 1917 г., всегда и писал и называл меня Re; и, посвятив мне свой романс - «Муза», поставил в посвящении («Воспоминания о Сергее Васильевиче Рахманинове»).

Питоев Исая (1844 – 1904) - тифлисский предприниматель и меценат. Любимое его детище – домашний любительский кружок – в 1887 г. был преобразован в Артистическое общество, которое, как вспоминал композитор и дирижер Михаил Ипполитов - Иванов, «объединило в своих стенах все артистические силы Тифлиса, всех талантливых любителей как драмы, так и оперы». Племянник Исая Егоровича – режиссер и актер **Жю Питоев** (1884 – 1939) прославил фамилию на весь мир, вместе с супругой, **Людмилой Питоевой** (1884 – 1951), актрисой огромного дарования, чью ангельскую красоту запечатлел в портрете кисть Пабло Пикассо. «Его несказанное мужество позволило выжить со временем французскому театру», - писал о Ж.Питоеве французский драматург Артюр Адамов.

Поло Марко (ок. 1254-1324) – итальянский путешественник. В 1271 г. отправился в Китай, где прожил около 17 лет. Написанная с его слов «Книга» (1298) – один из первых знаний европейцев о странах Центральной Восточной и Южной Азии. Придуманное Марко Polo

слово «миллион» с его легкой руки пошло гулять по странам и континентам.

Прадо - музей в Мадриде.

Приам - царь Трои и отец Париса, который, по греческой мифологии, признав Афродиту победительницей в споре богинь (Суд Париса), стал виновником Троянской войны и падения родного города. Самый выдающийся сын Приама и Гекубы Гектор, предводитель и герой троянцев, был убит Ахиллом, мстящим за гибель своего друга Патрокла.

Прохоровка - деревня в Белгородской области. 12 июля 1943 г. в ходе Курской битвы в районе Прохоровки произошло крупнейшее во Второй мировой войне встречное танковое сражение, когда с обеих сторон участвовало до 1200 танков и самоходных орудий.

Пруст Марсель (1871 - 1922) - французский писатель, чей цикл романов «В поисках утраченного времени» с его опытом изображения внутреннего мира человека как «потока сознания» оказал сильное влияние на творчество многих писателей XX века.

Пушкинский перевал - заоблачная точка Базумского хребта, место печальной встречи двух гениев русской литературы на армянской земле в 1829 г.

Пшавия - горный район в Восточной Грузии. Родина (с Чаргали) выдающегося грузинского поэта Важа Пшавела (Лука Разикашвили) (1861-1915).

Рембо Артюр (1854 - 1891) - французский поэт, который 17-летним пареньком пришел в Париж со стихами, рассованными по карманам потрепанного пальто и отмеченных печатью гениальности. Прослушав их, старик Виктор Гюго воскликнул: «Это Шекспир-дитя!»

Родос (греч. – остров роз) – остров в Эгейском море у юго-западного побережья Малой Азии, отстаивавший свою независимость от эллинистических монархий. В память о победе при входе в гавань Родоса была поставлена бронзовая скульптура бога солнца Гелиоса – покровителя Родоса. Колосс Родосский считался одним из семи чудес света. С названием свободолюбивого острова связано выражение «Здесь Родос, здесь прыгай» из басни Эзопа. Она рассказывает о приехавшем издалека путешественнике, похвалявшемся, будто ему удалось совершить невиданной длины прыжок. В ответ островитяне предложили ему доказать на деле свое умение.

Сабина, Ада, Сильвия - женские образы романов «Жан-Кристоф» и «Очарованная душа» французского писателя, музыковеда и общественного деятеля Ромена Роллана (1866 - 1944), лауреата Нобелевской премии (1915).

Сазандар - ашуг, певец-импровизатор, позже восточные

музыкальные ансамбли.

Саперави - старинный грузинский сорт винограда. Из него получают знаменитые столовые красные кахетинские вина.

Саят-Нова (Арутюн Саядян) (1712 - 1795) - великий армянский поэт, творивший на трех языках народов Южного Кавказа.

Сегалович Лев - чемпион СССР по боксу 1940, 1947 - 1948 гг. в наилегчайшем весе.

Сент-Экзюпери Антуан (1900 - 1944) - французский писатель и профессиональный летчик. 31 июля 1944 не вернулся из разведывательного полета в район воеточнее Лиюна, оставив открытой им планете людей свои книги, сказав о главном, жизненно важном для него, что «уважение к человеку - пробный камень».

Сизиф - мифический древнегреческий царь, провинившийся перед богами и осужденный ими вечно вкатывать на гору камень, который, достигнув вершины, каждый раз скатывался обратно вниз.

«Симпатия» - кабачок на Пушкинской улице, чуть ниже Эриванской (Берия, Ленина, Свободы) площадь облюбованный поэтами и художниками Тифлиса начала XX века.

«Синяя птица» - философская сказка бельгийского драматурга и поэта Мориса Метерлинка (1862 - 1949) лауреата Нобелевской премии (1911). «Если человек найдет Синюю птицу, он будет все знать, все видеть (слова Кота).

Сирачхана (Винный подъем) - улица в старой части Тбилиси, известная своими красивыми мастерскими.

Сисиан - районный центр в Зангезуре, историческая область на юго-востоке Армении.

Скерцо (ит.) - шутка

Сольвейг - женский фольклорный образ из философско-символической поэмы крупнейшего норвежского драматурга Генрика Ибсена (1828-1906) «Пер Гюнт» и сюиты к ней виднейшего представителя норвежской композиторской школы Эдварда Грига (1843-1907). Имя Сольвейг в буквальном переводе с норвежского означает: «Солнечный путь».

Стикс - в древнегреческой мифологии одна из рек «подземного царства», в котором обитали души умерших.

Стоун Шерон - американская киноактриса, кому удалось добиться места на звездном Олимпе не только благодаря обаянию и красоте, но и высокому интеллекту.

Сюлли-Прюдом Франсуа Арман (1839 - 1907) - французский поэт, лауреат Нобелевской премии (1901).

Табахи (араб.) - овальное деревянное блюдо; в нем

кинто разносили фрукты.

Табидзе - двоюродные братья Галактион (1893 - 1958) и Тициан (1895 - 1937) - классики грузинской литературы, что не уберегло их от политических репрессий.

Туманян Ованес (1869-1923) – классик армянской литературы, «исключительный художник и глубокий поэт» (В. Брюсов), чье творчество неразрывно связано с Грузией, Джавахетией, где он жил и творил (стихотворения «Грузии», «Поэтам Грузии», «У склепа Н. Бараташвили», поэма «Взятие крепости Тмук», легенда «Парвана» и др.). От Туманяна идет традиция проведения с 1914 г. праздника поэзии Саят-Новы в последнее воскресенье мая. Во дворе армянской кафедральной церкви Сурб Геворг (Св. Георгия), в которой он был убит за молитвой при вторжении в Тбилиси полчищ Ага-Мохаммед-хана в 1795 г. Его последние слова: «Не выйду из церкви, не отрекусь от Христа» можно прочитать на могиле поэта у стены той самой церкви.

Удзо - гора в окрестностях Тбилиси.

Уткин Иосиф (1903-1944) – видный представитель плеяды комсомольских поэтов 20-х гг. 13 ноября 1944 года, возвращаясь с Западного фронта, погиб в авиакатастрофе неподалеку от Москвы. Цитата приведена из очаровательной поэмы «Повесть о рыжем Мотэле», написанной от лица и для сотен и тысяч безымянных Мотэле, каждый из которых по мере своих сил шагал «в ногу с тревожным веком».

Фейгин Эмануил – писатель и переводчик, заведующий русской секцией СП Грузии в 60-х гг., основатель литературного альманаха «Дом под чинарами».

Чаренц Егише (Егише Согомонян) (1897-1937) - крупнейший армянский поэт первой половины XX века, аккумулировавший в своем творчестве новейшие завоевания мировой культуры с опытом западно- и восточноармянских литератур. Трагически погиб в расцвете творческих сил, став жертвой репрессий. Айгестан (Садовая) - улица в восточной части Еревана, где в конце 40-х гг. велось интенсивное строительство индивидуальных домов армян-репатриантов.

Чихтикопи - грузинский женский головной убор.

Шах Аббас I (1571-1629) – представитель династии Сефевидов, при нем иранское государство достигло наибольшего могущества, инициатор и виновник опустошительных походов на Грузию. После заключения перемирия с турками обратил свой взор на Кахетию. В 1614-1617 гг. четырежды с походами лично вторгся в ее пределы.

Шелли Перси Биши (1792 - 1822) – выдающийся англ-

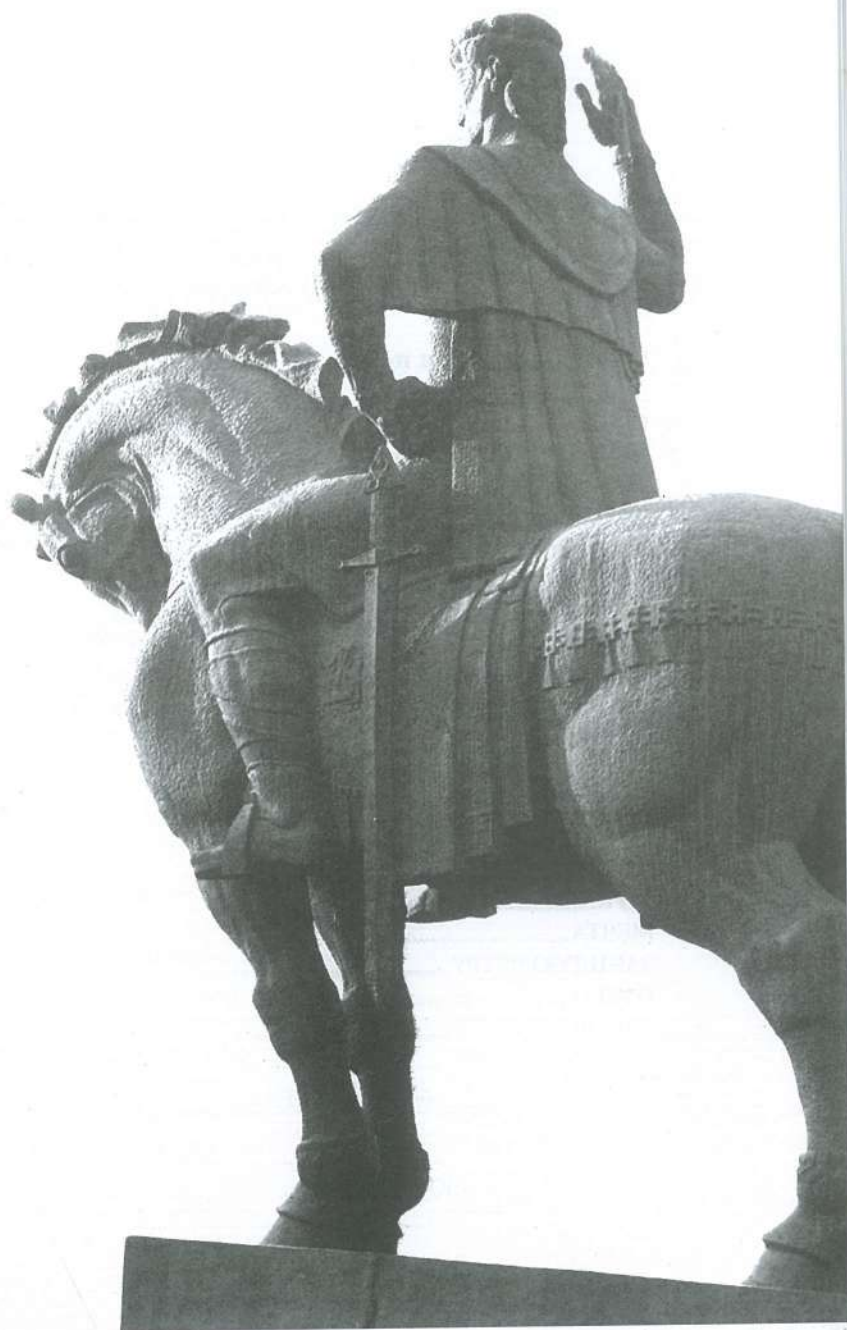
лийский поэт-романтик. Смерть оборвала его творчество в самом расцвете. Катаясь на лодке, он был застигнут бурей и утонул. Тело Шелли, прибитое к берегу волнами, было предано сожжению Байроном и еще несколькими друзьями, совершившими этот погребальный обряд. Сострадание поэта покоится на кладбище в Риме. На надгробном памятнике друзья начертали слова: «Сердце сердец». **Ширванзаде Александр (1858 – 1935)** – псевдоним народного писателя Армении Александра Мовсисяна **Юдифь** – красавица вдова из иудейского города Ветил, которая проникла в лагерь ассирийского военачальника Олоферна во время осады ее родного города и отсекла ему, спящему, голову, что привело к победе ее сограждан во время решительного наступления. День победы Юдифи был причислен к списку еврейских праздников ежегодно отмечаемых.

Элибекяны – семья потомственных художников, мсродственников. Глава семьи Вагаршак Арутюнов многие десятилетия был директором и сценографом Тбилисского армянского драматического театра. На 60-м году жизни вернулся к своему истинному призванию – создал серию картин и миниатюр, живописную сцену старого Тифлиса, хронику его народного быта и ландшафта. Вместе с супругой, Флорой Ервандовной, воспитал и дал миру искусства двух сынов – выдающихся армянских художников (с 70-х годов семья жила на исторической родине) – Генриха Элибекяна, младшего одноклассника по знаменитой тбилисской 43-й школе, и Роберта Элибекяна. Персональные и совместные выставки трех Элибекянов состоялись в Грузии, Армении, России, США, Канаде, Англии, Франции, Германии, Италии, Голландии, Австрии, Португалии, Бельгии, Польше.

Эльфы – в древнегерманской мифологии – духи природы, легкие воздушные существа в человеческом облике, наделенные разнообразными чудесными способностями.

Яшвили Паоло (1895 – 1937) – грузинский поэт, друг и соратник Тициана Табидзе по литературной группе «Голубые роги».

СОДЕРЖАНИЕ

Э. Квиташвили. ИЗ ПРОЗЫ УШЕЛ В СТИХИ 4

Стихотворения и поэма

QUO VADIS	1
НЕСМОЛКАЕМАЯ НЕМОТА.....	1
АВТОГРАФ	1
ГОЛЫЙ КОРОЛЬ	1
ТВОРЧЕСТВО.....	1
МУЗА	1
СЛОВО	1
БЫЛОЕ.....	1
АЛЬТЕРНАТИВА.....	2
НЕОПАЛИМАЯ КУПИНА.....	2
ИРОНИЧНО	2
ДАНТЕ СЛАВИЛ БЕАТРИЧЕ.....	2
«НЕТ В СВОЕМ ОТЕЧЕСТВЕ ПРОРОКА...»	2
ЭВАРИСТ ГАЛУА.....	2
СВОЙ КРЕСТ НЕСТИ.....	2
ЗЕРКАЛО	2
МЕЧТА.....	2
ЗАВИДУЮ ВЕТРУ	2
ГОНЕЦ	2
ВЫЗОВ.....	2
ЧУЖАЯ БОЛЬ	2
ОГНИ.....	2
ИСТИНА.....	2
НОЧЬ ТЕМНА.....	2
ОБ ОДНОМ ЖАЛЕЮ	2
ОТЦУ	2

СТАРОЕ РУЖЬЕ.....	38
СЧАСТЬЕ.....	39
МАНГЛИСИ.....	40
«БЫСТРОТЕЧНЫ ГОДОВ ЛИВНИ...»	41
А ТЫ МОЛЧИШЬ.....	42
ГЛЯЖУ НА ТЕБЯ ИЗУМЛЕННЫЙ.....	43
ТАЛИСМАН.....	44
ПЯТЬ ЧАСОВ УТРА.....	45
СОЛЬВЕЙГ.....	46
ТАК И НАДО	47
МГНОВЕНИЕ.....	48
РАЗЛУКА.....	49
ОДИНОЧЕСТВО.....	50
СКАЗКА.....	51
«НЕ РЕВНУЙ МЕНЯ БЕЗ НУЖДЫ...»	52
К ВНУКУ	53
КАПИТАНЫ.....	54
ДОРОГА К ХРАМУ	55
ТОЧКА	56
ЛЕТО В ГОРОДЕ.....	57
ПИРОСМАНИ.....	58
ИСТОКИ	59
ВЕРТИКАЛЬ	60
САЯТ-НОВА.....	61
В ХАШНОЙ	62
МАРТ	63
ПЛАЧ ПО ДЕРЕВУ	64
РОЖДЕНИЕ ВЕНЕРЫ	65
СТАКАН ВОДЫ.....	66
МКИНВАРИ	67
ОЧАРОВАННАЯ ДУША.....	68
«САМАЙЯ»	69
В ГОРАХ.....	70
ВОЗВРАЩЕНИЕ.....	71
ПРЕДЧУВСТВИЕ ДОРОГИ.....	72
«ДОЛОЙ ЛЕЧАКИ, ЧИХТИКОПИ...»	73
ЗИМА	74
ИСХОД.....	75

НЕ ОГЛЯНИСЬ	76
«КАК ДАВНО В АРМЕНИИ Я НЕ БЫЛ...»	77
УЛИЦА ЧАРЕНЦА	78
7 ДЕКАБРЯ 1988.....	79
В АРМЕНИИ	80
ГЕГАРД	81
СТАНЦИЯ «СПИТАК»	82
«ГИДРОЦЕНТРАЛИ СЛАВЯ ВАХТЫ...»	83
СТАРАЯ КНИГА	84
АССИРИЙСКАЯ КЛИНОПИСЬ	85
ПУШКИНСКИЙ ПЕРЕВАЛ	86
ГЕРТЕРЫ	87
ПОГОНЯ	88
МУЗЕЙ В СОЧИ	89
КЕРЧЬ	91
ПАМЯТЬ	92
БАВАРСКОЕ ПИВО	93
КИНОТЕАТР В СУХУМИ.....	94
ОБЕЛИСК	95
ВОЗВРАЩЕННЫЙ АД	96
ПОЛНОЧНАЯ СТОЯНКА.....	97
ОСТРОВ БЕДЫ.....	98
ТЕНИ.....	100
ЗАКЛИНАНИЕ	100
«СВАЛИЛАСЬ ТЫ СНЕГОМ НА ГОЛОВУ...»	100
ЭКСЛИБРИС	100
БАЛЛАДА О ДРУГЕ	100
ПОДАРОК.....	100
НЕ ВЕРЬ.....	100
СЛЕПОК ЖИЗНИ	100
В СТЕПИ.....	101
НОЧНОЙ РАЗЪЕЗД	101
ЧИТАЯ ГЕЙНЕ	101
АМАДЕЙ	101
БЕТХОВЕН.....	101
ПЕВЕЦ	101
ВСПОМНИЛ РЕДАКЦИЮ.....	101
ОСЕНЬ	101

ПЕРВАЯ ЧИТАТЕЛЬНИЦА	119
ЖЕНА АЛЬПИНИСТА	120
ОБЕЩАНИЕ.....	121
СНОВА ТЫ.....	122
«СТРОЙНАЯ, КАК ЯХТА...»	123
МОРЕ	124
ЕЛЕНА	125
МОМЕНТ ИСТИНЫ.....	126
ПЕСНЯ.....	127
ПЕТЕРБУРГСКИЙ МОТИВ.....	128
СЛЕПОЙ ТРОЛЛЕЙБУС	129
ЗАКРЫТАЯ ГЛАВА.....	130
ДЕВУШКА ЕСТ СЛИВЫ.....	131
ВЕСЕННЕЕ НАСТРОЕНИЕ	132
«НЕ ЗАМАНЯТ В СБОРНИКИ...»	133
ЯСОН В КОЛХИДЕ.....	134
ЧУЖАЯ НЕВЕСТА.....	135
В ЧУЖОМ ПИРУ	136
«КОГДА, КАЗАЛОСЬ, НЕТ УЖ СИЛ...»	137
ЮДИФЬ.....	138
ПРОТИВОСТОЯНИЕ.....	139
НА ВОЛНЕ, КАК НА ВОЙНЕ.....	140
ЗАВТРАК НА ТРАВЕ	141
ПРОЗРЕНИЕ.....	142
«НИЧЕГО МЕЖДУ НАМИ НЕ БЫЛО...»	143
МОЯ КОРРЕСПОНДЕНТСКАЯ.....	144
СОПЕРНИКИ.....	145
РОМАНС	146
«КРАСИВОЙ» ЖЕНЩИНЕ	147
«ТИТАНИК».....	148
КОРОЛЕВСКАЯ ИГРА.....	150
ДЕНЬ ПОМИНОВЕНИЯ.....	151
ВЕЧНЫЙ ГОН.....	152
НАСРЕДДИН В БУХАРЕ	153
ОБВАЛ	154
«МЕДЛЕННО, КАК СТИХОВ СТРОЧКИ...»	155
ПРОВОДЫ ЛЮБВИ	156
НОЧНЫЕ ДЕМОНЫ	157

«КАК МОЖЕТ МИР ПЕРЕВЕРНУТЬ...»	1
ИСПЫТАНИЕ	1
ПОХВАЛА РАЗУМУ	1
СКЕРЦО	1
В РЕСТОРАНЕ	1
СТРОЮ КНИГУ	1
ИНФАРКТ	1
«КОГДА ТЕБЯ НЕДУГ ЗАГОНИТ...»	1
ОПАЛЯЮЩИЙ ЖАР	1
ПОРЫВ	1
ДОН КИХОТ	1
«КАК ВРЕДЕН СЕВЕР ДЛЯ МЕНЯ...»	1
РЕМБО	1
СОВЕТ СЕБЕ	1
ОБМАНЧИВАЯ ЗЫБЬ	1
ДВА ЧАСА ПОСЛЕ ПОЛУНОЧИ	1
EXERCISE	1
«ПРИХОДЯТ МЫСЛИ ЗАПОЗДАЛЫЕ...»	1
НАСЛЕДСТВО	1
ВСЕ СПЕШУ	1
КОГДА ПОВЕЗЕТ	1
ДОНОС	1
ИГРА	1
ЛОРКА	1
МОЛЬБА	1
НАБЕГ	1
«Я О ГЛАВНОМ С ТОБОЙ НЕ СПОРИЮ...»	1
«ТЫ МНЕ СКАЗАЛА: ПОЕДЕМ К МОРИЮ...»	1
АМУНДСЕН	1
МИРАЖИ	1
УРОКИ	1
НОЧНОЙ ПОЕЗД	1
ГАЛАКТИОН	1
КРИК	1
ДВОЙНИКИ	1
КАМЕШКИ	1
НЕ В СРОК	1
ВСТРЕЧА	1

«ДЕНЬГИ ВСЕ ЖЕ ПАХНУТ...»	196
ЕЩЕ НЕ ВЕЧЕР	197
«НИКТО НЕ УСЛЫШАЛ ОБВАЛА ГРАД...»	198
«НЕ ВИДЕЛИСЬ МЫ ГОД ИЛЬ ДВА...»	199
ТРИЗНА	200
ВОЗВЫШЕННОСТЬ	201
НЕЗНАКОМКА	202
«ПЛАКАЛА ДЕВА В ТРАМВАЕ...»	203
ОТКРЫТЫЙ РИНГ	204
ИТОГ НЕ ЗНАЯ ДО КОНЦА	205
<i>Н. Зардалишвили. ОПАЛЯЮЩИЙ ЖАР</i>	206
КОММЕНТАРИИ	208

ИЗДАТЕЛЬ -

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»**

Издание осуществлено при поддержке
Благотворительного фонда «КАРТУ»

Руководитель проекта
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ
заслуженный деятель искусств РФ

Арсен Леонович Еремян
ВЫСОТА

Редактор
Э.Квитаншвили

Дизайн
А.Еремян
Д.Элбакидзе-Мачавариани

Технический редактор
Э.Ахсахалян

Компьютерный набор
Е.Галашевская
А.Еремян

Компьютерная верстка
Д.Элбакидзе-Мачавариани

არსენ ლეონის-ძე ერემიანი
სიმაღლე
(რუსულ ენაზე)

«ДЕНЬГИ ВСЕ ЖЕ ПАХНУТ...»	196
ЕЩЕ НЕ ВЕЧЕР	197
«НИКТО НЕ УСЛЫШАЛ ОБВАЛА ГРАД...»	198
«НЕ ВИДЕЛИСЬ МЫ ГОД ИЛЬ ДВА...»	199
ТРИЗНА	200
ВОЗВЫШЕННОСТЬ	201
НЕЗНАКОМКА	202
«ПЛАКАЛА ДЕВА В ТРАМВАЕ...»	203
ОТКРЫТЫЙ РИНГ	204
ИТОГ НЕ ЗНАЯ ДО КОНЦА	205
<i>Н. Зардалишвили. ОПАЛЯЮЩИЙ ЖАР</i>	206
КОММЕНТАРИИ	208

ИЗДАТЕЛЬ -

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛ**

Издание осуществлено при поддержке
Благотворительного фонда «КАРТУ»

Руководитель проекта
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

заслуженный деятель искусств РФ

Арсен Леонович Еремян
ВЫСОТА

Редактор
Э.Квиташвили

Дизайн
А.Еремян
Д.Элбакидзе-Мачавариани

Технический редактор
Э.Ахсаляян

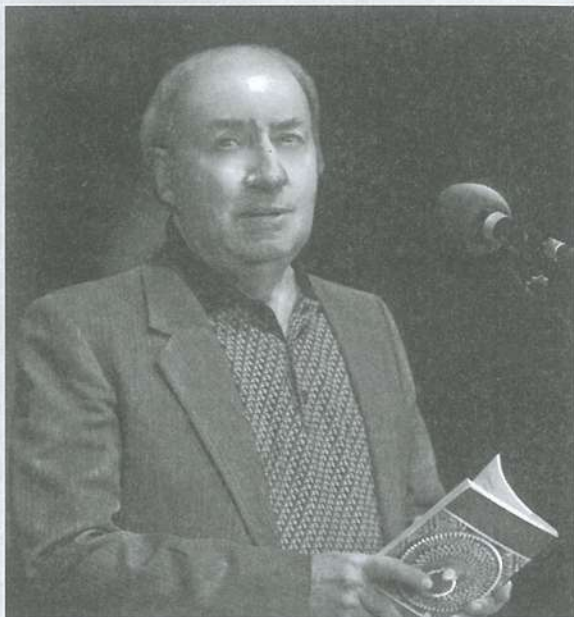
Компьютерный набор
Е.Галашевская
А.Еремян

Компьютерная верстка
Д.Элбакидзе-Мачавариани

არსენ ლეონის-ძე ერემიანი
სიმაღლე
(რუსულ ენაზე)

Еремян А.Л.
Высота. Стихи, поэма. –
Тб., 2011. - 228с.

Отпечатано в типографии ООО “Мтигнобари”.
Тбилиси, пр. Д.Агмашенебели, 40

Арсен Еремян – филолог, поэт, редактор. Окончил филологический факультет Тбилисского государственного университета. Работал в редакциях газет «Заря Востока» («Свободная Грузия»), «Вечерний Тбилиси», «Грузия-Спид» и на партийной работе. Заслуженный журналист Грузии. Заместитель главного редактора журнала «Русский клуб». Книжки А.Еремяна выходили в Тбилиси и Москве на русском и грузинском языках, в т.ч. сборники художественно-документальных рассказов «Гром победы» (2002), избранные лирики «Автограф» (2007), рассказов и стихотворений «Робинзоны в городе» (2009).

